

ШИДЛАЙТ

The background of the entire cover is a complex, swirling pattern in shades of teal and green. In the center, a large butterfly is depicted with its wings spread, revealing a face with large, expressive blue eyes. The butterfly's body is dark with intricate patterns. Above the butterfly, a white banner with a black border curves across the middle. On the left side of the banner, a small, detailed grasshopper is shown. The title 'ШИДЛАЙТ' is written in a large, ornate, black font at the top. The author's name 'МИЛА ХОКС' is written in a similar ornate font at the bottom. The entire cover is adorned with numerous small, detailed illustrations of various insects, including butterflies, moths, and beetles, scattered throughout the background.

НАМЕСТНИК НОЧИ

МИЛА ХОКС

Миднайт

Мила Нокс

Наместник ночи

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос = Рус)6

Нокс М.

Наместник ночи / М. Нокс — 2018 — (Миднайт)

ISBN 978-5-353-09084-7

Первая книга новой фэнтези-серии «Миднайт» писательницы Милы Нокс, автора популярного цикла «Макабр». Франциск Фармер упрямо ищет Дверь в волшебный мир. Он точно знает, что Дверь существует, ведь у него есть ключ, который когда-то дал ему таинственный незнакомец. Франц уверен: именно там, в волшебном мире, он найдет лекарство для смертельно больного брата-близнеца. Но Франциск и не подозревает, что мир за Дверью – это Миднайт, мир Полночи, принадлежащий самой Смерти. А значит, волшебство в нем не обязательно будет добрым. Что ждет вставших на смертельно опасный путь по Стезе? Как им победить трех хранителей золотых печатей? И кто на самом деле этот загадочный и жуткий Мертвый Принц – наместник Полночи?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-353-09084-7

© Нокс М., 2018

Содержание

Глава 1 о Мертвой Мельнице	7
Глава 2 о тетушке и мотыльках	14
Глава 3 об имени ключа	22
Глава 4 о том, что сказок не существует	29
Глава 5 о новой выходке Мюриель	32
Глава 6 о появлении бражника	37
Глава 7 о побеге в полночь	47
Глава 8 о страже Мельницы	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мила Нокс
Наместник ночи

Читатель, тебя ждет лишь одна ночь, но она окажется самой долгой из всех.

Глава 1 о Мертвой Мельнице

Франциску Бенедикту Фармеру шел уже тринадцатый год, однако он по-прежнему был убежден: волшебство существует. Прячется за обыденным, привычным для нас так близко, как лавандовый букетик за стопкой белья. Заглянув в платяной шкаф, ты его не увидишь, но стоит вдохнуть тонкий аромат, как вскоре нащупаешь в глубине темной полки сухие стебельки.

Так и с волшебством. Если, проходя мимо запертой двери, ты почувствуешь, как сердце пропустило удар, по позвоночнику заструились мурашки, а в животе шелохнулось странное, древнее, таинственное чувство – знай: это оно. Глаза тебе солгут – не доверяй им. Нет, не доверяй! Единственный компас, указывающий путь к волшебству, – сердце. И когда услышишь шепот из мрака незапамятных веков – верь ему, а не полуслепой толпе живущих. Верь ему и иди за ним.

Тебя попытаются переубедить – ведь слышать зов может лишь тот, чей слух не притупили выкрики газетчиков, грязная ругань Ист-Энда, усталые вздохи стариков и старух – жизнь из этих людей ушла, осталось лишь тело, пустая оболочка, заполненная ежедневной суетой, ворчанием, болью. Не верь им. Услышит зов лишь тот, кто остался верен себе.

Вопреки всему.

Франциск Фармер был именно таким.

И пусть ни единая душа в мире – ни служанка Мэри, ни мать, ни даже бедный, милый брат-близнец Филипп – не верила ему, Франц твердо решил, что будет верить до тех пор, покуда зов не приведет его туда, куда он стремится попасть. А если не приведет, Франц по-прежнему будет ждать, сколько бы лет ни прошло. Будет ждать, покуда на земле не наступит вечная ночь.

Может, он и поддался бы на доводы простаков и отрекся от веры. Но у него было то, что все эти годы не позволяло исчезнуть надежде.

Ключ.

И однажды он откроет волшебную дверь.

Вновь.

От размышлений Франца отвлекла речка – громыхая, коляска покатила по узкому каменному мосту над бурливым потоком. Мальчик оторвал взгляд от маленького ржавого ключа, который сжимал в пальцах, и вытянул шею, чтобы посмотреть, что творится под мостом. Затем он перегнулся через борт так низко, что челка упала на лоб, и всмотрелся в воду. Река оказалась чистой, светлой – позолоченные закатным солнцем, волны проносились внизу, обдавая изумрудные берега пеной и брызгами.

– Франц!

Резкий окрик заставил мальчика выпрямиться. На какой-то миг взгляды Франца и матери пересеклись. Слегка вздрогнув, Делайла отвернулась, будто смотреть на собственного сына было выше ее сил. Женщина уставилась вдаль – туда, где золотистая лента увиливала к горизонту, огибая небольшую деревушку, к которой приближалась их запряженная двумя унылыми лошадками развалюха, дребезжа на всю округу так, что в ушах звенело.

Франц сглотнул комок в горле и, разжав пальцы, вновь уставился на лежащий в ладони ключ.

Что заставляет мать отводить взгляд? Мальчик не знал. Он вспомнил фразу, брошенную матерью одной из подруг – таких же бледных и чинных дам, как сама Делайла Фармер: «Весь в отца». Имена сыновей Делайлы не переименовывала, а вот ненавистную фамилию, будто надеясь досадить мужу, всегда произносила как «Фармер». Сам Франц упрямо говорил «Фар-мер» – так, как отец. К сожалению, Фальк слышать этого не мог – несколько лет назад он пропал. Семья уже смирилась с потерей, и все равно каждый раз при виде утренних писем в руках служанки в сердце Франциска вспыхивал огонек надежды.

Многие утверждали, будто Делайла Фармер – молодая, но, увы, некрасивая женщина с физиономией лошади и шеей гуся – пристрастилась к презрительному выражению лица после исчезновения мужа. «Бедняжка, – шептались дамы. – Без супруга-то выцвела точно моль!» Франц привык считать так же, хотя на его памяти мать стала сжимать губы в жесткую линию куда раньше, чем Фальк канул в неизвестность.

Когда же с матерью произошли перемены? Была ли она когда-то иной? Может, все началось после... Едва Франциск коснулся в памяти того самого дня, тело прошиб холодный пот. На миг светлый день померк, в глазах все почернело, но мальчик удержался на краю сознания и, сжав ключ крепче, отогнал ужасные мысли в тот угол памяти, где прятал их все эти годы.

Франциск никогда не позволял себе заходить в темный коридор воспоминаний, где таился тот самый день. Если вдруг он оказывался близко к страшному повороту, то на всех парах мчался прочь, боясь даже на секунду заглянуть за угол и встретиться лицом к лицу с прятавшимся там ужасом. Если бы он это сделал... Случился бы приступ. А этого допускать было нельзя.

Впрочем, приступы все равно происходили.

Раз за разом.

И никто не мог ему помочь. Даже Филипп.

«Хватит думать об этом», – раздраженно приказал себе Франциск.

Мальчик опустил взгляд на руки – бледные пальцы дрожали, вцепившись в ключик точно в спасительную соломинку. Бесполезно: даже волшебная вещица не сможет разогнать темноту, которая таится в его голове.

«Что же ты за размазня, едва подумал об *этом* – сразу в дрожь. Будь смелее!» – упрекнул себя Франц.

Но порыв храбрости будто ветром сдуло, темнота за клубилась вместе с облаком пыли за спиной, дыша затхлостью и плесенью в затылок, и Франц сжался, словно ожидая удара.

«Почему, ну почему рядом села мать, а не Филипп?!»

Брат ехал на козлах – места сзади не хватило, поэтому мальчишку усадили к вознице, из-за чего Франц не на шутку обиделся на мать. Казалось, она нарочно разделяет близнецов, хотя и знает, как им плохо в разлуке... Франц вперился в кудрявый затылок – сдуваемые ветерком, темные локоны Филиппа разметались по тонким плечам, на которые брат зябко натягивал клетчатый плед. Франц только сейчас это заметил. Видимо, брата вновь знобит – и это в июньский-то вечер!

«Ему и без меня плохо...» – грустно подумал мальчик.

Руки по-прежнему дрожали, а за спиной клубилась тьма.

«Да что ж такое!»

Хоть бы мать увидела, что Францу дурно, – может, попросит остановить экипаж и пересадит к Филиппу? Но женщина не замечала нервно сжавшихся кулаков сына, да и Филипп не оборачивался, молча подсакивая на козлах рядом с возницей. Мужчина даже и не думал заговорить с мальчишкой, делая вид, будто тот пустое место – так, как зачастую поступала мать.

«Филипп!» – мысленно воззвал Франц.

Он знал, что брат себя плохо чувствует, но не смог сдержать искушения потянуться мыслями к близнецу, чтобы ощутить его силу.

Когда на Франциска накатывали приступы, брат всегда брал его руку в ладони и, шепча успокаивающие слова, держал так до тех пор, пока сердце не вспоминало обычный ритм. Филипп единственный на всем белом свете мог унять Франца – быть может, оттого, что еще в чреве их сердца научились биться в унисон.

Франциск и Филипп родились близнецами, причем до срока. Няня уверяла, это все из-за Франца: его тихий и послушный брат точно бы дождался назначенного природой времени, но вот неугомонный Франц – куда уж тут! Не то что на стуле за ужином, даже в утробе усидеть не мог спокойно.

– Как пить дать, это Франц подбил младшего выбраться на свет пораньше! Ну что за дитя! – всплескивала руками старая Мэри.

Из-за Франца и начались все беды.

Ночь после рождения близнецов прошла для Фармеров как в кошмаре: старший не переставая орал, а потом и вовсе посинел и стал задыхаться.

– Господь всемогущий! – кричала няня, качая головой. – Ну и ночка выдалась! Старая Мэри с ног сбилась! Послали за доктором, а служанка возвращается и только руками разводит: доктора вызвали в другой дом, прибудет через час. А этот-то едва дышит, уже синий. Все, думаю, до утра не доживет...

В глазах старухи появлялись слезы (а учитывая, что история рассказывалась не один год, няня овладела искусством вызывать слезы по своему хотению в совершенстве). Она промокала глаза платком и воздевала руки к небу:

– Неисповедимы пути Господни! Так бы и погиб младенец, да и доктора эти – что бы сделали? Соломенные головы! Только говорят красиво, а на деле что могут? Нет, вы как хотите, все эти новомодные штуки – пустые выдумки. Послушали бы доктора хоть раз старую няню, вырастившую с десятков таких крикунов! – Мэри приосанивалась и продолжала страшным голосом: – Младенец задыхается, миссис чуть жива от страха, служанки носятся по дому, а доктор не спешит... Тут-то я взяла дело в свои руки. Что говорят-то в народе? Кровь крепче воды, сказано. Кровь крепче воды! Подхожу к миссис и говорю: «Мэм, близнецы – промысел Божий, сам Господь привел их в мир рука об руку! У близнецов-то ангел-хранитель один на двоих – давайте их уложим вместе! Младший-то вон лежит спокойный». И в тот самый миг, – старуха торжественно шмыгала носом, – как я положила Франца к Филиппу, младший братец протянул ручонку и вцепился пальчиками в старшего, и Франц, крикун этакий, сразу же и притих. Доктор наконец явился, а няня уже спасла дитя! Оба спят в обнимку, ну что два херувим-

чика – спокойные, розовенькие, прямо загляденье. И слава Господу, с той минуты Франциск пошел на поправку. Клянусь, так все и было, уж старой Мэри можете верить!

Правда то была или выдумки выжившей из ума служанки, Франц знал одно: между братьями действительно есть удивительная связь.

Со стороны ее не увидишь, но мальчик чувствовал тоненькую нить, что вела от его сердца к сердцу Филиппа. Всякий раз, когда к Францу подступали холод и тьма, рука Филиппа находила его руку, и все, что оставалось – закрыть глаза и позволить брату отдать свои силы. Точь-в-точь как песок в часах пересыпается из одной чаши в другую, спокойствие по капле струилось от Филиппа к Францу, вновь заставляя мир и тишину воцариться в его мятежной душе.

Мысли о том, как брат его успокаивает, заставили Франца расслабиться. Дрожь малопомалу ушла из пальцев, а сгустившийся за спиной мрак разределся и вскоре растаял.

«Вот так, – подбодрил себя Франц, – вот так... а теперь отвлекись. Вон как блестит речушка – ну-ка, придумай, на что она похожа? Если прищуриться, река похожа на золотого змея... Да, точно. Это змей, который спустился с неба и улегся между холмов, чтобы согреть кости в последних лучах солнца. Волны – его чешуя, там, далеко за деревней – голова. А хвост, наверное, дотянется до самой станции...»

Продолжая рассказывать себе сказку, взявший себя в руки Франциск ехал дальше и дальше, навстречу новому дому.

Вскоре, лениво стуча копытами, лошади преодолели спуск и подкатали коляску к первым домам. По обе стороны от дороги на путников равнодушно глядели пузатые серые строения. В пыльных стеклах пламенел пунцовый закат.

– Миллхил, – объявил пропитым голосом возница.

Подскакивая на булыжниках («Матерь божья!» – процедила Делайла), они въехали в деревушку, где всем троим – Делайле и близнецам – предстояло отныне жить.

Когда Франциск увидел Миллхил, тревога покинула его окончательно, уступив место азартному предвкушению. Прежде он никогда не бывал за пределами Лондона и теперь во все глаза смотрел на многочисленные домишки. Мальчик завертел головой так быстро, будто она была на шарнирах – вправо-влево, назад-вперед.

«Который? Который из них?» – Франц сгорал от нетерпения.

Какой-то будет новый дом?

Когда мать сообщила, что тетушка Мюриель милостиво пригласила их пожить к себе в загородный дом (по странному стечению обстоятельств в момент, когда у них кончились деньги на ренту квартиры), в воображении Франциска нарисовался особняк. Почти средневековый замок: причудливое строение с башнями, где можно прятаться и, свесившись через перила, наблюдать за теми, кто бродит по лужайке внизу. А как здорово в разгар лета (хорошо, что переезжают в июне!) сидеть на увитом диким виноградом балконе – лозы бросают кружевную тень, и, если прислониться к стене, камень будет приятно холодить спину. Конечно, коридоры замка будут украшать картины, а резчик по дереву наверняка зашифровал в завитках на перилах загадки. Франц будет разгадывать их целыми часами. А уж сколько потайных дверей прячется за книжными шкафами!

И все это в полном распоряжении Франца и Филиппа!

А может, среди этих дверей – от этой мысли сердце Франца сладко екнуло – он найдет и откроет ту самую...

Ох, как же здорово, что они переезжают!

Франц с легкой душой покидал их квартиру на улице, по которой проходила граница между «приличным» городом и трущобами. Из окна детской открывался вид на соседний район, где ютилась фабричная беднота. Унылые серые крыши – вот чем довольствовался Филипп, когда в периоды недомогания неделями лежал в кровати.

Франц даже мечтать не мог о выезде за город – выбираться за пределы Лондона на выходные было привилегией высшего класса. Мальчик еще ни разу не видел Англию – такую, как на картинках. Сейчас он жадным взглядом пожирал все, что проносилось мимо: травянистые холмы в дальних концах улиц, пышные садики и фруктовые деревья, наливающиеся соком яблоки (сорвать бы одно, и пусть зеленое!). Правда, дома здесь не были похожи на замки, но, может, особняк тетюшки где-то за пределами Миллхила?

Они уже пересекли деревню и выехали на живописную окраину, откуда вновь открылась речка. Под лучами заката слюдяная лента, ускользающая вдаль, вспыхнула золотисто-алым. Франц бросил взгляд на берег и тут же подскочил, вытянув шею:

– Что... что это?

Голос его дрожал.

– Сядь, Франц, – зашипела мать, но ее перебил гнусавый возница:

– Старая миллхилская мельница.

На берегу золотистой речки высилось старое здание, а над ним, бросая на крышу мрачную тень, нависало огромное – просто гигантское – колесо, похожее на колесо телеги, только в десятки раз больше. Камни, из которых были сложены стены, были серые, мертвые, все в трещинах – с незапамятных времен их секли тысячи дождей.

– Мельница...

О таком Франц только читал в книгах. Водяная мельница! С давних пор люди ставили на реках огромные деревянные колеса, оснащенные лопастями или черпаками; течение реки толкало их, вращало колесо, оно уже приводило в движение жернова. Так крестьяне перемалывали зерно...

А еще про такие места ходили всякие слухи. Каждый омут, образованный мельничной запрудой, был окружен сказками и легендами.

Мельница... Водяная мельница...

По коже Франца пробежала дрожь. Он и сам не знал, что случилось – вглядываясь в колесо, застывшее невзвешенное сколько лет назад, он в какой-то момент ощутил странное дуновение, тронувшее его затылок, и тут же различил возле плеча... шепот. Станный, смутный шепот, доносящийся будто сквозь толщу воды – или, может, времен? Секунду спустя рой голосов, преодолевая мрак разделяющих их веков, густо загудел в ухо, как, бывает, гудит зависший у лица бражник. Франц оцепенел, прислушиваясь к этим звукам, – и вдруг гудение распалось на отдельные слова.

– Полночь... Миднайт... Полночь... Миднайт...

Франциск вздрогнул и с шумом втянул воздух. Он медленно отвел взгляд от мельницы и оглянулся. Шепот оборвался, будто кто-то захлопнул дверь в другую комнату. Мальчик резко выдохнул и заморгал.

«Нет, никого...»

Позади коляски темнели золотистые клубы пыли. Ветер сбил их в единое облако, и вдруг Франциску почудилось, будто в этом облаке что-то – или, скорее, кто-то – движется. Какое-то высокое существо, кажется, с крыльями...

Мгновение спустя ветер порвал пылевое облако в клочья.

– Сядь, Франциск, – приказал холодный голос.

Опомнившись, Франц повернул голову и столкнулся взглядом с Делайлой. В глазах матери было неодобрение и еще что-то особенное. Мальчик знал, что за этим выражением обычно следует безжалостная фраза: «Ступай к себе. Сейчас же». Быть может, для других детей это было обычным наказанием, но для Франца...

Для Франца это означало, что он не просто ослушался, надерзил старшим или набедокурил. Это означало: он сделал что-то *странное*.

А *странного* мать терпеть не могла.

Но, к величайшему сожалению – и Делайлы, и самого Франциска, – любая фраза или действие мальчика могли повлечь за собой эти *странности*. И от этого, так же как от приступов, никуда было не деться.

«Лучше не злить ее...»

Франц послушно рухнул на сиденье и свесил голову. Голоса... Слышал он их на самом деле или только почудилось? Это длилось лишь секунду, и чувство было таким странным, будто он на миг задремал и сквозь сон что-то услышал, а проснувшись, обнаружил, что в комнате совсем один. Может, и вправду задремал? Франц потер шею – на коже, разогретой солнцем, выступила испарина.

«Уф... разморило от тепла».

И все-таки – вдруг не ошибся? А что, если голоса были – и пытались сказать ему, Францу, что-то важное... Очень важное... Что-то, что известно лишь им – ушедшим во тьму...

«Полночь...»

Что это значит?

Франциску часто мерещились разные вещи – приятные и не очень, но на этот раз все казалось *слишком уж реальным*.

Мальчик сглотнул и, разжав кулак, уставился на ключ. Странное чувство накатывало на него, будто накрывало волнами – таинственное, сладостное и слегка печальное.

Когда Франц читал книги сказок, он ощущал светлое и ясное, подобное встающему над землей солнцу, предчувствие волшебства. А это... *Это* предчувствие – словно лунные лучи, играющие между ветвей в ночном саду, – холодное, печальное, таинственное. Ведь даже любуясь этой игрой серебряного света, ты чувствуешь легкий озноб и пробегающие по коже мурашки.

Лошади свернули налево и потрусили к нескольким домикам, что стояли в отдалении. Загадочная мельница осталась по правую руку, и когда Франц осмелился украдкой глянуть в ее сторону, далеко на берегу увидел лишь смутные очертания колеса, прятавшегося за костлявыми скелетами деревьев, которые этой весной отчего-то не захотели наряжаться в зелень.

Мальчик уставился на свой кулак, из которого торчало ржавое металлическое кольцо. Ржавчина вовсе не была следствием того, что Франц плохо обращался с волшебной вещицей – наоборот, он берег ключ как главную драгоценность. Этот ключ уже был ржавым, когда попал к Францу, и немудрено. Сколько веков или даже тысячелетий люди открывали им дверь в волшебный мир? Страшно представить!

Франц знал, что ключ следует положить в шкатулку ишний раз не трогать. Ржавчина могла разесть его вконец – потные ладони явно не сделают добра для такой старой и хрупкой вещицы. Но Франц не мог уступить соблазну, и когда не держал ключ в руке, то вешал на шею.

Потому что надеялся.

Вдруг именно эта дверь, мимо которой ему случится пройти сегодня, окажется той самой? А что, если ключа при нем не будет?

Он упустит свой единственный шанс...

Франц был готов отозваться на волшебный зов в любое мгновение. Днем или ночью... Он ждал. И будет ждать, покуда вновь не увидит тот призрачный свет и не услышит тот самый чарующий голос...

Тут возница огласил округу громким «Т-пру-у-у!», экипаж в последний раз громохнул колесами и остановился.

– Франциск! Убери эту... это...

Делайла глядела на ключ, поджав тонкие губы. Франц опомнился и быстро надел шнурок на шею. Мать лучше не злить, а то, чего доброго, отнимет ключ, и что тогда делать?

Франц распахнул дверку, спрыгнул с подножки и, заметив на коленях пыль – видимо, нанесло во время дороги, – отряхнул коротенькие плюшевые штанишки. Нужно предстать перед тетушкой в лучшем виде!

Подавив волнение, Франциск выпрямился.

За спиной раздался грохот стаскиваемых на землю чемоданов, что-то сказала мать, но Франц ее не услышал. Он молча смотрел прямо перед собой.

– Значит, вот как... – вздохнул совсем рядом Филипп.

Глава 2 о тетушке и мотыльках

Филипп тоже глядел на дом, в котором им предстояло жить.

Мало-помалу щеки старшего брата залила краска. Наивные мечты о замке тетки – которую, к слову, близнецы ни разу за все тринадцать лет не видели – вдруг стали неудобны, как прошлогодняя одежда, ставшая короткой и тесной.

Францу стало стыдно, что он делился с Филиппом своими глупыми мечтами.

Дом оказался вовсе не замком...

Он...

Франц с горечью подумал, что его просто-напросто надули. Впрочем, это же он сам себя обманул: нафантазировал воздушный замок и богатую благотельную тетушку в придачу.

Решил, что наконец-то все их проблемы исчезнут.

Но дом тетушки Мюриель оказался всего лишь серым, унылым зданием, которое спроектировал самый скучный человек в мире. Одной из тех георгианских построек, в которых нет места не то что балкончикам или башням, но и вообще каким-либо радостям жизни. В окнах бледного двухэтажного здания, вытянутого в длину, отражались закатные лучи – и, казалось, вечерний свет умирал, едва коснувшись тусклых стекол. Франц различил по ту сторону рам занавески – они висели за окнами точно коконы бабочек, которые давным-давно вылупились и улетели. Дом тетушки был унылый. Пустой. Холодный.

Оболочка давно упорхнувшего мотылька.

А может, этот жизнерадостный мотылек здесь никогда и не жил.

Франц знал, какие люди предпочитают подобные дома, и ему очень хотелось верить, что произошла какая-то ошибка, что возница остановился перед чужим домом...

Он хотел было обернуться к извозчику, но вдруг хлопнула входная дверь. На крыльцо вышла экономка – женщина с лошадиным лицом и волосами, зачесанными назад в довольно старомодной манере.

– Добро пожаловать.

Даже ее голос, ленивый и скучный, навевал холод.

Мать что-то крикнула, но Франц не повернулся – его ступни примерзли к земле, и он не мог даже пошевелиться. Это не ошибка. Это теперь их дом. В приоткрытой двери замаячил неясный силуэт, и Франц понял, что сейчас увидит тетюшку Мюриель...

Мальчик сжался, будто перед ударом. Секунда – и станет окончательно ясно: произошло нечто ужасное или еще есть шанс...

Сколько Франц видел всяких тетюшек! Сколько наблюдал за тем, как счастливые племянники утопают в объятиях улыбающихся толстушек, получают в подарок книгу с картинками! Эти тетюшки трепали ребят за щеки, а затем – незаметно от матерей – совали в ладонь «дорогому племянничку» хрустящую купюру. Франциск хотел бы иметь такую тетюшку, пусть даже небогатую. Втайне же – настолько глубоко в сердце, что боялся признаваться даже Филиппу – он ожидал от ближайшей родственницы не денег, а... хоть немного тепла.

Потому что знал: тепла от матери он не дожидается никогда. Ни объятий, ни доброго слова.

И теперь Франц стоял, боясь даже вздохнуть, и глядел на темный проход, молясь про себя, чтобы приближающаяся тетюшка оказалась такой, как у тех счастливых. Франциск был готов принять ее любую – не так уж много у него было родственников, чтобы выбирать. Францу очень хотелось, чтобы тетя Мюриель, которую он почему-то (интересно все же, а почему?) никогда не видел, ворвалась в его жизнь подобно феекрестной. Такая тетюшка сможет делать для него что-то хорошее. Вывезет на конную прогулку или – да бог с ней, с прогулкой! – хотя бы поцелует на ночь, а не запрет дверь спальни на ключ, как мать!

Но вот на порог ступила туфля, попав в полосу закатного света, взгляд Франциска скользнул по колодке, в которую была втиснута пухлая нога, вскарабкался по замшелым складкам рюшчатого подола, изучил расплывшиеся бока, распирившие платье, попытался отыскать над воротом шею, но не обнаружил ни единого намека на оную. Прямо из покатых плеч выростало рыхлое красное лицо – и, едва бросив на него взгляд, Франц понял: если ему вдруг придется целовать тетюшку Мюриель, он сделает это только под дулом ружья. Он смотрел ей прямо в глаза и вдруг сообразил, что делать это так нарочито и дерзко не стоило, но было уже поздно.

Маленькие глазки тетюшки, спрятанные в дряблых щеках, неожиданно блеснули и впились во Франца в ответ. Осмотрев мальчишку с головы до ног и задержав взгляд на его коленках («Черт, надо было получше стряхнуть пыль»), тетюшка сощурилась и по-змеиному раздула ноздри.

– Делайла! – каркнула Мюриель.

По левую сторону от близнецов проплыло белое пятно – Делайла Фармер. Трудно было поверить, что эти две женщины приходились друг другу родственницами! Сухопарый богомол и жирная гусеница.

Делайла выплыла навстречу хозяйке дома – с неестественно прямой спиной, чинная, как и всегда. Франц успел заметить, что ее губы сжаты чуть сильнее обычного. Тяжело спустившись со ступеней, тетюшка Мюриель вразвалку подошла к госте, и миссис Фармер была вынуждена наклониться, чтобы клюнуть дряблую щеку родственницы, изобразив подобие радости.

Франц и Филипп стояли словно вкопанные, старший и вовсе застыл ни жив ни мертв, отчетливо понимая, что от юрких глазок тетюшки Мюриель не укрылся его ужас, – и это ей явно не понравилось.

Хозяйка дома принялась осматривать племянников еще более пристально, будто открывшиеся вблизи детали могли сказать ей куда больше, нежели пыль на коленках. Взгляд тетюшки

вдруг застыл на уровне третьей пуговицы рубашки Франца, и, чуть склонив голову, мальчик понял, что же ее так заинтересовало.

Ключ.

Франц поскорее спрятал его за ворот. Но было уже поздно, и мальчик подумал, что теперь в голове тетушки наверняка поселилась та же мысль, что и в материнской: «Он странный».

– Так-так-так, – сказала Мюриель.

Это могло означать очень многое, но Франц отдал бы правую руку на отсечение, что явно не желание взять его на конную прогулку.

Мюриель скривила губы и звучно шмыгнула носом.

– Смог.

– Извини, что? – переспросила Делайла.

– Я говорю: смог! – гаркнула тетушка, поворачиваясь к миссис Фармер и глядя на нее так, будто ее до глубины души возмутило это непонимание. – Большой Смог не прекращает дымить, я верно понимаю? Посмотри на него...

Тетушка кивнула на Франца и покривилась. Мальчик сжал кулаки, ощущая, как на ладонях выступает пот. Властный тон смутил его, а то, как Мюриель глядела на племянника – будто оценивала на рынке корову, выискивая проплешины на шкуре, – заставило поежиться. Бойкий и в то же время мечтательный, Франц всегда производил много шума, но, встречаясь с такими напористыми и холодными людьми, которые вдобавок обладали некой властью, впадал в ступор. А тетушка была именно такого сорта. Ей удавалось смотреть свысока даже на Делайлу, несмотря на то что Мюриель была ниже ее на целую голову.

– Сколько тебе лет, мальчишка?

«У меня вообще-то имя есть!» – подумал Франц, но вслух не смог выдать ни слова.

– Тринадцать, – ответила мать.

– Я спрашивала *тебя*. – Тетка даже не повернулась к Делайле.

Франц почувствовал, как по позвоночнику заструился предательский холодок. Тон тетушки явно подразумевал: переступая порог моего дома, вы принимаете мои условия. Я не приглашала вас переехать, а *позволила*, и, не дай бог, вы об этом забудете!

– Это все из-за дыма, мальчишка наверняка болен из-за этого дыма. Ты говорила, у него нелады со здоровьем? Даже не отдали его в гимназию? Это все дым! Хорошо, что вы наконец-то решили убраться из этого мерзкого городишки, – фыркнула Мюриель. – Давно пора!

В горле тетушки недовольно заклокотало, она откашлялась и гаркнула:

– Ужасное место! Хуже не придумать! Только ослы могут поселиться в этом вашем Лондоне! Вы как хотите, я туда ни ногой. С моей подагрой и ревматизмом не хватало еще подцепить какую-нибудь легочную дрянь! В Ист-Энде легкие можно сразу выплюнуть, подышали бы вы этим смогом еще пару лет и выплюнули бы, попомните мои слова.

«Как будто мы могли выбирать...» – мелькнуло в голове у Франца.

Делайла поджала губы, но промолчала.

Пальцы тетушки, похожие на разбухшие сардельки, брезгливо дернулись, словно сбрасывая паука. Мюриель вновь строго посмотрела на семейство Фармеров, точно они вдруг захотели прыгнуть в повозку и рвануть обратно в город. Впрочем, в отношении Франца это было отчасти правдой: если бы ему выпала возможность вернуться, он бы не раздумывая согласился.

Но возвращаться было некуда.

Он в ловушке.

– Слава богу, я живу в Миллхиле, – продолжала Мюриель, – в тишине, вдали от этих лондонских забастовок. В моем возрасте и с таким здоровьем главное – это спокойствие!

И тетушка вперила взгляд во Франца, будто увидела в нем угрозу.

– Что ж, – с прохладцей ответила мать Фармера, – мы не помешаем.

Тетушка скривилась и недоверчиво покачала головой.

В этот момент раздались шаркающие шаги, и появился еще один обитатель дома – мужчина с измученным серым лицом и длинными усами, и Франц предположил, что это, возможно, садовник. Экономка отдала ему распоряжения по поводу багажа, и мужчина пошаркал к ящикам и чемоданам.

– Что ты, Делайла! – Тетушка ухмыльнулась широким ртом. – Я не сомневаюсь, что вы не помешаете. Просто учтите, что я терпеть не могу топотню и крики. От них у меня мигрень.

– Думаю, повода для беспокойства нет.

– Вы собаку не привезли, случайно?

– У нас нет собаки.

– Это хорошо, – одобрила Мюриель. – Очень благоразумно, Делайла. Животные совершенно не умеют себя вести. Собака в доме – конец спокойствию. Эти бестии только и думают, как стащить со стола скатерть или нагадить на ковер, вдобавок твякают с утра до ночи, а у меня и так бессонница! А шерсть... – Тетушка передернулась. – Шерсть повсюду! На обоях, в ванной, в тарелках. У меня аллергия на шерсть.

– У нас нет собак, – холодно напомнила Делайла.

– Хорошо! – рявкнула Мюриель. – *Очень* хорошо. Что же. Можете проходить в дом. Ужин подадут в половине восьмого.

«В половине восьмого, ни секундой раньше или позже», – явно имела в виду Мюриель, бросив строгий взгляд на семейство Фармер, и от ее ухмылки, которую тетушка выдавала за улыбку, Франц содрогнулся, будто от порыва неприятного промозглого ветра.

Он вновь поднял взгляд на дом и сглотнул.

Дом надменно смотрел на Фармеров сверху вниз. Длинный и серый, он протянулся из одного угла сада в другой и стоял здесь, видимо, еще с прошлого столетия. Франц с легкостью представил, как поколения предков Мюриель рождались, росли и умирали в этом доме – такие же чопорные, как и их родовое гнездо. С фронтовой части на гостей глядело около десятка окон. За стеклами пряталось множество комнат, но Франц уже догадывался, на что они похожи: молчаливые покои были вычищены до блеска, но всегда пусты. Этому дому были чужды пышные вечера, музыка, танцы.

Ему были чужды люди.

Наверняка здесь обитали лишь унылый садовник, экономка, служанка и Мюриель в компании своих бесчисленных болячек.

«Я не хочу здесь жить! – Франц повернулся к Филиппу, задумчиво рассматривающему окно второго этажа. – Филипп, слышишь? Я не хочу жить здесь! Не хочу!»

Будто услышав внутренний вопль брата, Филипп чуть повернулся, но, прежде чем близнецы обменялись хотя бы взглядами, кое-что случилось.

Со стороны коляски раздался истошный женский крик.

Делайла Фармер мгновенно подобрала юбки, Франц и Филипп оцепенели, а тетушка Мюриель – вероятно, недовольная нарушением спокойствия – что-то недовольно хрюкнула.

У коляски стояла служанка и с ужасом взидала на коробку в своих руках. По-видимому, она хотела помочь отнести пожитки Фармеров в дом и теперь, округлив глаза от страха, смотрела на приоткрытую крышку коробки. Пару секунд спустя из щели вырвались темные пятна, похожие на крупные хлопья сажки, – прямо в лицо служанки. Женщина, вновь вскрикнув, отшатнулась и разжала руки. Коробка грохнулась оземь, крышка отскочила, и на землю со звоном выкатились многочисленные баночки.

«Черт! – скрипнул зубами Франциск. – Наверное, от тряски что-то разбилось...»

– Стойте!

Франциск решительно направился к служанке. Та судорожно трясла руками, пытаясь сбросить черных мотыльков, рассеявшихся по всему платью.

– Погодите! Я сейчас их сниму! Не двигайтесь, вы можете их поранить!

– Франц! – прошипела мать.

– Что это? – зарокотала тетушка. – Что это такое?!

Некоторые из раскатившихся по земле баночек треснули, у некоторых отскочили крышки, и из горлышек всюду выползали пауки, гусеницы, сороконожки. Разноцветные бабочки покинули стеклянные убежища, устланные травами и цветами, и замельтешили над землей.

«Че-е-ерт!»

Франциск бросился подбирать склянки.

– Господь праведный, что это такое?! – гаркнула тетушка Мюриель.

– Это... – Франц покраснел, подняв взгляд на тетушку. – Это просто бабочки. Мотыльки. Они не опасны. Я сейчас всех соберу, подождите немного!

Франциск упал на колени, схватил одну из баночек и, нашарив крышку, принялся торопливо собирать разбегающихся насекомых. Когда он подхватил с земли одну особенно длинную сороконожку («Каких трудов мне стоило ее добыть!») и, подняв в воздух извивающееся членистое тело, аккуратно опустил насекомое в стеклянный домик, все присутствующие невольно вскрикнули. Франц не обратил на это внимания и продолжил собирать беглецов.

Побледневшая служанка в любой момент готова была упасть в обморок, с ужасом таращась на облепивших ее черных бабочек, и Франциск успокаивающе проговорил:

– Погодите... погодите немного... сейчас я найду сачок и сниму их! Сейчас, одну минуту!

Он, тяжело дыша, встал и двинулся к коробке, чтобы поставить уцелевшие баночки обратно, но тут раздался грозный голос тетушки:

– Нет, нет и еще раз нет!

Впрочем, Франц пропустил ее крик мимо ушей.

– Молодой человек, – прорычала тетка.

Франциск замедлил ход.

– Ты слышал, что я сказала? Обернись.

Тон тетушки не подразумевал ослушания, и Франциск, глубоко вдохнув, обернулся. Мюриель глядела на него сузившимися глазками.

– Никаких бабочек! – отрезала тетка. – Никаких мотыльков! Никаких насекомых!

– Но...

– Не смей трогать этих гадких, мерзких существ.

Франц возмутился до глубины души: «Они не гадкие! Как можно говорить такое про бабочек?» Вслух он сказать этого, правда, не смог. Тетушка была иного мнения. Раздувая ноздри, Мюриель какое-то время с отвращением глядела на нежно-лазурного мотылька, приземлившегося в шаге от нее, а затем резко подняла ногу и тут же опустила.

Из груди Франца вырвался крик боли. Ему показалось, будто внутри порвалась какая-то струна; он усталился на туфлю, не смея думать, что бабочка под подошвой уже мертва. «Нет! Нет! Нет!» Страх пронзил мальчика, и он застыл, чувствуя, как в жилах забурилась кровь.

– Вы... вы...

Франциск, трясаясь от гнева, устремил глаза на тетушку, а та вскинула голову и нахмурилась – никогда еще не осмеливался какой-то ребенок дерзить ей, почтенной взрослой даме! Делайла Фармер глядела на сына, поджав губы, и всем своим видом демонстрировала, что их ждет серьезный разговор.

– Так-так-так. Ты что-то хотел сказать? Говори.

Филипп, выглядывающий из-за спин тетушек и матери, едва заметно покачал головой. Выражение лица матери ясно говорило Францу, что ему следует держать рот на замке, иначе... Мальчик поджал губы и подавил нарастающую волну.

– Нет? Что ж, отлично. Гарольд, – тетушка обратилась к унылому садовнику, – выбросите эту гадость. Мой дом – не место для этих отвратительных ползучек.

– Что? Нет! – вскричал Франциск.

Ему уже было плевать. Даже если его лишат ужина, запрут в комнате и запретят разговаривать с Филиппом – плевать! Франциск ринулся к заветной коробке, торопливо составил в нее баночки, и тут Гарольд выдернул коробку прямо из-под носа мальчика.

– Нет! – крикнул Франц и раскинул руки, не давая мужчине пройти. Стена самообладания рухнула, и на свет явился обычный Франциск – упрямый мальчишка, который всегда действовал наперекор желаниям взрослых. Мальчик, чувствуя, как в висках стучит кровь, гневно посмотрел на мужчину и выдохнул:

– Нет. Отдайте!

Садовник бросил на Франца пустой взгляд.

– Отдайте! Я... я собирал их! Мы собирали вместе с мистером Бэриллом... Они мне нужны... Я делал записи, наблюдал... – Франциск тяжело сглотнул. – Это же просто бабочки! Они не опасны!

Сзади послышался смешок.

– Делайла, – укорительно цокнула языком тетушка, – я и не знала, что ты так разбаловала своего ребенка. Господь праведный, он вылитый папаша – не зря говорят «яблоко от яблони» – такой же длинный язык! Неужели эта ползучая гадость жила у вас в доме?! Поверить не могу. Как безответственно! Гарольд, чего вы ждете?

Садовник сделал шаг в сторону, но Франциск упрямо двинулся за ним.

– Франц, – негромко позвала мать.

Такого холода в ее голосе Франциск еще не слышал. Он замер, поняв, что это означает. В голосе матери сквозил *страх*.

И внезапно – будто пораженный громом – мальчик все понял. Все, что стояло за переездом. Что он игнорировал, веря в свою светлую мечту о доброй тете.

Если он сейчас послушается и выхватит коробку из рук этого Гарольда, защитит своих питомцев, тетка вышвырнет его семью на улицу.

Но у Фармеров больше нет денег и нет другого жилья. Отец исчез, оставив фирму, какое-то время мать пыталась вести дела, но дела шли все хуже и хуже, и фирма разорилась. Какое-то время они жили на накопленные деньги, потом в долг, и в конечном итоге гордая Делайла решила-таки написать тетушке Мюриель с просьбой приютить их.

Теперь Франциск понимал, отчего не видел Мюриель раньше – видимо, они с Делайлой терпеть друг друга не могли, но сейчас просто не было выхода...

Но все же... все же...

«Успокойся, – быстро сказал себе Франциск. – Успокойся и попробуй по-другому. Попроси ее».

Да, это могло сработать! Иногда, очень редко, мальчик становился шелковым ради того, чтобы заполучить желаемое. И сейчас был такой момент. Ведь именно этого хочет Мюриель – такие люди обожают, чтобы им лизали туфли, чтобы перед ними склоняли головы, чтобы давали ощутить власть над собой. И Франциск был готов пойти на это ради своей драгоценной коллекции.

Мальчик порывисто обернулся.

– Тетушка... – начал он тихим просящим голосом.

Мать чуть кивнула.

– Я... я был неправ. Пожалуйста, скажите Гарольду остановиться.

Мюриель пристально смотрела на Франциска, следила, как он подавляет свой гнев, как разжимает кулаки. Внимательно подмечала перемены в лице мальчишки – на смену гневу приходило смирение. Послушание. Покорность. Строптивец склонялся перед ней, и это доставляло Мюриель огромное удовольствие.

– Остановитесь, Гарольд, – ухмыльнулась тетушка. – Мальчишка хочет что-то сказать. Да, Франциск?

«Ты все-таки знаешь мое имя, старая стерва!» – подумал мальчик. Конечно, дома такие слова не говорили, но, если живешь на краю Ист-Энда, волей-неволей научишься языку улиц. Однако вслух Франциск выдал иное:

– Я...

Делайла, сузив глаза, кивнула Францу.

– Они не опасны.

Мальчик чуть кивнул на коробку в руках Гарольда. Там находились баночки с лягушачьей икрой и головастиками, мотыльками и гусеницами, которые вот-вот должны были обернуться бабочками. Много-много великолепных образцов. Франциск потратил долгие часы, чтобы отыскать драгоценную для него живность в городе, а иногда мистер Бэрил – частный учитель – брал его в парк, и там они отыскивали новых питомцев. Порой Бэрил даже привозил интересные экземпляры из дальних поездок, и Франц был на седьмом небе от счастья. Мальчик ухаживал за своими любимцами, кормил их и с замиранием сердца наблюдал, как трескается янтарная хризалида, выпуская в мир пурпурную крапивницу. Чудо природы – вот что это было.

– Они не опасны, клянусь. Это просто бабочки. Это задание моего учителя, мы ставили эксперименты. Они не опасны.

– Правда? – сощурилась тетушка.

Франц кивнул. Мюриель обменялась взглядами с Гарольдом, и на какой-то момент мальчик ощутил, что натянувшаяся тетива лука, готовая выпустить смертоносную стрелу, ослабла. Он уцепился за эту возможность и, ободренный милостью тетушки, пошел дальше:

– Я... мне жаль, что я поднял голос... Простите.

– Что-что?

Мюриель не расслышала (или только сделала вид?).

– Я прошу прощения, – сказал Франц громче, сдерживая напряжение и неприязнь. Он постарался вложить в слова ровно столько извинения, сколько мог выдать из себя в присутствии той, что была ему столь омерзительна.

Тетушка ответила на его слова долгим взглядом. Смотрела и смотрела, будто проверяя – действительно ли племянник сожалеет? Действительно ли смирился и положил свое «я» к ее ногам?

Франциск собрал все силы, чтобы ответить на этот пронзительный взгляд инквизитора достойно, ничем не выдать то, чего жаждет на самом деле, а именно утопить Мюриель собственными руками. Наконец тетушка удовлетворенно кивнула. На бледном лице Делайлы проявилось облегчение – видимо, она ожидала, что Франц продолжит упрямиться, разозлит Мюриель, и та выставит их вон.

– Хорошо. – Хозяйка дома махнула рукой.

Франциск выдохнул, ощутив, как на лбу выступила испарина. «Слава богу!» Тетушка заставила его склониться перед ней, но коллекция стоила того, чтобы пожертвовать своей гордостью. Франц подумал о своих драгоценных бабочках. Хрупких, бедных бабочках, чуде природы, которое мог защитить только он один. «Они будут в безопасности!»

– Возможно, ты прав и эти ползунки неопасны, – продолжала тетушка, и в глубине ее глаз Франц вдруг заметил какой-то блеск, – но в любом случае... Да, в любом случае, молодой человек, это послужит тебе хорошим уроком, чтобы в следующий раз подумать хорошенько, прежде чем дерзить старшим. Вот так! Гарольд, слышите меня? Уничтожьте эту гадость!

– Нет!!! – закричал Франц.

Но было поздно. В мгновение ока садовник вытряхнул содержимое коробки на выложенную каменными плитами дорожку под кленом, а затем бесстрастно опустил огромный башмак

на стеклянные баночки. Он топтал перламутровых бабочек, превращая их нежные крылышки в пыль, давил крохотные тельца гусеничек, уничтожал хрупкие куколки. Лицо Гарольда не выражало ничего – такой же пустой взгляд, как и прежде.

– Нет! Нет! Нет! – кричал Франциск. Он чувствовал каждый удар ботинка о землю так, будто били в живот его самого. – Не-е-ет!

Некоторые мотыльки пытались вырваться. Они судорожно трепетали помятыми крылышками, но едва успевали приподняться над землей, как безжалостный башмак Гарольда все же настигал их.

На какой-то момент Франц потерял рассудок. Он даже не подумал о том, что делает. Ноги сами понесли мальчика туда, где под кленом творилось варварство. Где совершалось настоящее... убийство.

Он ринулся к Гарольду, но оклик матери, в котором звенела неприкрытая тревога, заставил его остановиться на полпути. Мальчик застыл, содрогаясь от боли – внутри он кричал и молотил руками по врагу, – но в жизни вынужден был стоять в нескольких метрах от места казни, глядя на бездушного Гарольда, который топтал и топтал прекрасных бабочек. Вынужден был стоять, умирая внутри от ненависти и гнева, и все, что ему оставалось, – лишь сжимать кулаки в бессилии.

– Франциск, – снова окликнула мать.

Мальчик тяжело дышал и едва сдерживался, чтобы не разрыдаться у всех на виду.

Через несколько минут с коллекцией Франца было покончено. Гарольд отер подошвы о дерн и двинулся прочь, все с тем же равнодушием на лице.

Все, что осталось от трудов Франца и мистера Бэрила, от работы, в которую они вложили столько любви, внимания и времени, – пустая коробка и стеклянное крошево. Ветер подхватывал разноцветные оторванные крылышки и уносил прочь.

Они все погибли.

Франц обернулся к Мюриель – его щеки были красны, ноздри раздувались. Мальчик сжал пальцы в кулаки, больше не намереваясь притворяться. В этом не было смысла. Тетушка же довольно блеснула бусинами глаз и ухмыльнулась. На ее лице сияло торжество – Франциск его мгновенно узнал.

– Терпеть не могу животных, – негромко и чопорно протянула Мюриель. – Но больше всего – невоспитанных детей, которые не знают свое место.

Глава 3 об имени ключа

Франциск стоял у окна.

Его взгляд блуждал по черным корявым деревьям сада, которые обступили дом будто древние часовые. Тетушка Мюриель была добра и не стала долго гневаться и даже позволила мальчику спуститься к ужину, хотя мать настаивала, что Франц должен быть наказан и заперт в комнате. Ладно хоть с Филиппом не стали разделять. Едва зайдя в их спальню на втором этаже (кажется, именно на это окно он тогда смотрел?), младший брат окинул комнату безжизненным взглядом, стянул с плеч плед, разделся и, даже не выказав возмущения бледно-голубыми обоями в мелкий цветочек, сразу лег в кровать.

Дорога вымотала его. Вероятно, это даже мать заметила – Филиппа не стали трогать и позволили пропустить ужин. Наверняка Делайла уже предупредила Мюриель про особенность младшего близнеца. Обычно Филиппу разрешали то, чего не позволили бы Франциску, – считалось, что старший хоть и со странностями, но здоровый. Как минимум, физически.

Франц и сам не знал, как выдержал ужин. Пока молчаливая служанка приносила одно блюдо за другим, тетка сверлила мальчика алчным взглядом, нарочно вызывая в нем гнев. А если бы он сорвался, вину бы свалили на него – как так, вновь надерзил старшим! Тетушка же Мюриель осталась бы благодетельницей, несмотря на то что ее сальные глазки говорили больше, чем язвительные слова.

«Я не доставлю ей такого удовольствия, – решил для себя Франц. – Так просто ей меня не сломить. Я еще покажу этой карге».

Франц не знал, что собирался показывать, но бедокурить был горазд. И если тетюшка хотела войны, она ее получит. Однако теперь он будет умнее. Теперь Франциск будет действовать украдкой, и тогда... да, тогда посмотрим – кто кого!

Но после ужина, когда мальчик вернулся в комнату и принялся разбирать чемоданы (Филипп по-прежнему лежал, и Франц разложил одежду брата вместо него), он вдруг осознал, чего лишился. Боль от потери навалилась разом. Когда скудные пожитки нашли свое место в бледно-голубой, будто лицо больного, комнате, Франциск подошел к окну и сделал вид, что смотрит на закат, а сам дал волю тоске и обиде.

Глаза щипало от слез. Мальчик глядел на дорожку под огромным кленом, который на фоне сумеречного неба походил на косматого великана. Худенькие плечи Франца дернулись, он тяжело и часто задышал и со всей силы стиснул побелевшими пальцами подоконник.

«Ненавижу! – звенело в голове. – Чертова тетка! Надо бежать!»

– Франц, – тихонько позвал за спиной брат.

Но Франциск не откликнулся. Он знал, что Филипп чувствует его страдания, но не хотел об этом говорить. Мальчик поднял руку и приоткрыл раму, и тут же в комнату ворвался ветер с реки. Порыв дернул занавесь, ткань взметнулась вверх, накрыв Франца с головой. Из окна второго этажа открывался вид на реку – и там, далеко у горизонта, над ручьистой лентой гасла алая полоска света.

Тьма приближалась.

То ли ночь, то ли ненависть накатывала волнами, принося озноб и мрак вместе с резкими и не по-летнему прохладными порывами. От ветра по коже побежали мурашки. Да еще эта белая занавеска, будто гигантская паутина, раздувается и опадает, то накрывая с головой, то вновь взмывает вверх. Вот позади Франца снова выросла высокая черная тень. И на этот раз, кажется, не от занавески... Он почувствовал, как полумрак позади сгущается, формируясь в нечто... Нечто...

И эта занавеска...

Будто паутина...

Паутина...

Накрывает, обездвиживает.

Франц опомнился, уже когда совсем окоченел. Он протянул было руку, чтобы закрыть окно, но вдруг со страхом понял, что пальцы не слушаются. Что-то гигантское и черное уже свило вокруг него кокон и вонзило жвалы в сердце. Франциска обдало волной холода, а на коже выступил противный липкий пот.

«Только не это...»

Нужно взять себя в руки, пока не поздно. Иначе он переступит ту грань, за которой начнется... «Нет, все будет хорошо. Ну же, шевелись! Захлопни эту чертову раму!» Франциск наконец смог согнуть пальцы и медленно поднял руку, но, прежде чем коснулся окна, на мир обрушилась тьма. Все поглотила смольно-черная ночь, и лишь тонкая полоска заката алела на далеком горизонте.

Франциск застыл. И тут понял, что темнота *ненастоящая*. Она только в голове, только в его голове...

– Тише, тише, прекрати!

Перед глазами поплыло, колени подогнулись, и в отчаянной попытке устоять Франциск вцепился во что-то невидимое во мраке – должно быть, в подоконник.

– Дыши, дыши глубже... Успокойся.

Мальчик приоткрыл рот и судорожно втянул воздух. Встревоженный Филипп что-то сказал, но голос донесся до Франца будто из-за стены пространства и времени. Мир стремительно густел, кокон становился плотнее, и внутри его стало душно; Франц дышал все чаще и чаще, но без толку. Сердце подпрыгнуло и, вздрогнув, зачастило резкими толчками.

Приближается.

Сейчас.

Случится.

– Нет!

Крик Франциска взлетел звуком порвавшейся струны и, отразившись эхом, повис в пустоте.

Алая полоска заката – единственное, что связывало Франца с реальным миром, – пропала, будто ее и не было.

Мальчик оказался посреди какой-то темной комнатухи. Он стоял перед дверью и, хотя даже не касался едва поблескивающей в темноте ручки, знал – дергать бесполезно. Дверь заперта.

Она всегда заперта.

Внизу и по бокам двери в узкие щели просачивался тусклый лунный свет. Вероятно, она вела в комнату или коридор с окном.

Франц упал на колени, дотронулся до бледной полоски, ощутив, как под пальцами скрипнула пыль. Слишком мало света. Мальчик оглянулся на непроницаемую сцену мрака, и в лицо ему пахнуло затхлостью, плесенью и невероятным смрадом. Франц закашлялся. Темнота окружала плотной пеленой.

Казалось, кто-то залепил его уши грязью – в полной тишине было слышно лишь биение сердца. Быстрое, рваное «тук-тук-тук».

Нужно скорее выбраться отсюда!

Мальчик повернулся и провел ладонью по плохо обработанной поверхности, ошарапав кожу. Бахнул по двери кулаком. «Ты-дыщ!» Потом забарабанил сильнее. Руку пронзила боль, но он не остановился. «Дыщ-дыщ-дыщ!» Франц открыл рот, чтобы закричать, но темнота залепила глотку будто глина. Он схватился за шею, беспомощно хрипя.

Зловещая, тягучая тишина.

Холод.

Темнота.

Плесень.

Хрип.

«Откройте! Выпустите меня!»

Голос вопил лишь в голове.

Снаружи никого нет.

Его оставили здесь *умирать*.

«Я сейчас захлебнусь этим мраком... захлебнусь...»

Франциск из последних сил вытолкнул одно-единственное слово, которое смогло преодолеть залепившую горло темноту:

– Филипп...

Это слово вместило все одиночество мальчика – страшное, безумное, нечеловеческое одиночество. И вдруг в мертвой темноте Франциск почувствовал легкое и теплое прикосновение. Едва он понял, что это рука Филиппа, как страх, боль и одиночество отпрянули. Свившая кокон вокруг жертвы темнота испугалась и схлынула, будто черная вода в сливное отверстие. Франц еще не видел брата, но чувствовал: он где-то здесь. Его милый брат тут. Он спасет.

Мальчик наконец-то вдохнул полной грудью и дрогнувшим голосом позвал:

– Фил? Фил, это ты?

– Конечно. Это я.

От тихого и спокойного голоса стало тепло. Франц вцепился в брата, со всей силы сжав его ладонь.

«Не отпускай меня», – подумал Франц и часто заморгал, силясь прогнать морок – ведь и комната, и дверь, и темнота были ненастоящими. Но если Филипп рядом, у него получится. Франциск тряхнул головой и сосредоточился, вглядываясь сквозь темное облако в очертания предметов, которые начали появляться один за другим. Дверь с полоской лунного

света исчезла. Из-за темной завесы проступила мебель: платяной шкаф, стулья, кровать. Еще немного – и наваждение сгинуло.

Франц сидел на полу. Рядом была вовсе не грубая дверь с поблескивающей ручкой, а кирпичная стена. Мальчик взглянул на свою руку – костяшки сбиты, ладонь исцарапана. Он вздрогнул, но тут Филипп свел руки брата вместе, охватил своими ладонями, и Франц сразу ощутил повеявшее от близнеца тепло.

Филипп сидел рядом на полу, в белой сорочке, подобрав под себя худые ноги. Огромные распахнутые глаза обеспокоенно глядели на Франциска. Острое личико брата будто светилось в полумраке спальни.

– Как ты?..

Франциск вздрогнул, с трудом сглатывая комок в горле. Пальцы все еще мелко тряслись, но Филипп крепко сжимал ладони, пытаясь успокоить старшего брата. Потому что сам Франц успокоить себя не мог.

Никогда не мог.

Филипп тихо выдохнул и покачал головой:

– Опять?

Он смотрел на Франца с нежностью и беспокойством, что всегда смущало мальчика. Будто не он старший брат, который должен заботиться о младшем.

Будто все в точности наоборот.

Или так оно и было?

– Пойдем...

Поднявшись, Филипп потянул его за собой. Франц поплелся следом будто на поводке, глядя на белые пятки брата, мелькающие из-под ночной рубахи. Филипп откинул пуховое одеяло, сел на кровать и похлопал ладонью рядом с собой:

– Иди сюда.

Когда Франц забрался следом – прямо в одежде, – близнец накинул на него теплое одеяло и как следует укутал. Франц свернулся калачиком, положил голову на колени брату и закрыл глаза. Рука Филиппа легла ему на затылок, мягко перебирая волосы. Вернуть чувство реальности мог лишь он один.

– Засыпай...

И Франциск окунулся в иной туман – мягкий, уютный и светлый.

«Засыпай».

«Нужно раздеться... – подумал мальчик, но в кровати было так тепло и уютно. – Сейчас... дрожь пройдет... потом... сниму все...»

Рука Филиппа гладила голову Франца, и тепло, струящееся от его ладони, было столь приятным и мирным, что не прошло и получаса, как Франц провалился в безмятежный сон.

Когда мальчик проснулся, стояла глубокая ночь. Сквозь паутинные занавеси в спальню проникал лунный свет и ложился на пол, рисуя круги, отбрасывая тени от высоких шкафов и придвинутых к стенам стульев. Какое-то время Франц не шевелился – лишь лежал, слушая мерные звуки своего дыхания. Слева слышалось второе дыхание – тише и слабее, будто отголосок его собственного. Мальчик окончательно сморгнул дрему.

Наверное, мать уже заходила, чтобы проверить детей, и теперь все обитатели дома разбрелись по спальням до утра. Хорошо... Тетушка небось тоже в своей кровати сопит в две дырки... Брр...

Франц вдруг вспомнил, что пришло ему в голову во время ужина.

Нет, он не простит Мюриель расправу над бабочками!

Он отомстит.

Хм, а что же снилось ему самому? Кажется, мельница... Да, точно – та самая мельница, которую они видели по пути к тетушкиному дому, но только во сне был не день, а ночь. Мель-

ница стояла на берегу, серебрясь в лучах лунного света, и ее колесо... Оно крутилось! Лопасты зачерпывали воду, поднимали вверх, и с черпаков падали, искрясь под луной, мириады капель.

Франц стоял под мельницей на берегу и смотрел на то, как над головой проносится гигантское колесо. Падающие с высоты капли вспыхивали искрами между звезд, словно драгоценные камни. Он слушал вой ветра. Да, там определенно был ветер: заглушая ночные звуки, он гудел в крыше старой мельницы.

Рассказать бы об этом Филиппу... Слышал ли брат шепот, когда они проезжали мимо реки? Заметил что-то?

Франциск посмотрел на лежащего рядом брата. Его вьющиеся волосы цвета темного дерева разметались по гигантской подушке. Франц хотел было разбудить его, но лицо спящего близнеца – умиротворенное и светящееся, точно у ангела, – заставило мальчика замереть. Несмотря на свой извечный эгоизм, сейчас он не посмел бы тормозить Филиппа – до того сокровенным показался его сон.

Отчего, глядя на брата, он никогда не видел в нем себя?

«Будто в зеркало глядишься, правда?» – спрашивали знакомые. Как бы не так. Если близнецы и были зеркалами, то одно точно оказалось кривым. И это был Франциск.

Высокий, с широкими плечами и круглым лицом, вдобавок усыпанным веснушками, что особенно бросалось в глаза весной и летом. Каштановые волосы стрижены достаточно коротко: виться они не желали, да и были жесткие, как стружка.

В общем, старшего явно слепили впопыхах. Попрактиковавшись на Франце, Творец взялся за настоящее творение искусства – младшего брата. И уж тут рука демиурга не дрогнула.

Филипп появился на свет с чудесными локонами, и они до сих пор не изменились: тонкие и мягкие, какие бывают у младенцев, отрастали все ниже и ниже, завиваясь крупными кольцами, сияющими на солнце.

Филипп, с его вьющимися длинными волосами и яркими глазами в обрамлении длинных смоляных ресниц... С его точеным лицом – высокими скулами, тонким носом и острым подбородком... Все им любовались, словно фарфоровой куколкой. Но Франц не завидовал. Да с какой стати? Ему до этого дела нет. И все же он и сам любил смотреть на лицо близнеца, когда просыпался среди ночи.

Но за время болезни треугольное личико Филиппа вытянулось и побледнело, скулы заострились, глаза впали и потускнели. Кожа обтянула его словно тонкая калька, и порой, когда забывали зашторить окно и лунный свет падал на лицо Филиппа, Францу даже чудилось, что лунный луч вот-вот просветит его насквозь.

Филипп таял.

От этих мыслей внутри дрогнуло. Франц, привставший на локте, передернул плечами. Не стоит думать об этом... Он задвинул мысли о болезни брата в тот самый угол, где прятал свою темноту, и внезапно кое-что вспомнил.

Во сне он держал ключ – тот самый, узор бородки Франц узнал бы даже с закрытыми глазами, на ощупь. Но во сне он был новеньким, сиял в лучах луны, отблескивая гранями зубцов так, будто его только-только отлили. И вдобавок... Франц судорожно расстегнул несколько пуговиц на вороте и вытянул за шнурок свой драгоценный ключ.

Нет, на этом – ничего.

Лишь налет коррозии.

А на ключе во сне он четко видел надпись.

Да, верно! Что же там было написано? Слово было одно и точно начиналось на «к». Потом где-то в середине читалось «за»... Странное такое слово. «К»... «Кр»... Да что ж такое! Мальчик закусил губу, чувствуя, как на лбу выступает пот.

А вдруг это волшебное слово? Вдруг то самое, что открывает дверь?

И он его позабыл!

«Черт!» Франц с досадой откинул одеяло, спрыгнул с постели и метнулся к окну. Младший брат что-то пробормотал и заворочался, но не проснулся. Раздвинув занавески, Франц нырнул в поток лунного света и, прильнув к стеклу, устремил взгляд на мельницу, которую хорошо было видно со второго этажа.

На фоне звездного неба чернело гигантское колесо. Позади мельницы блестела река, убегавшая к горизонту извивающейся серебряной лентой.

Франц подставил ключ под лучи. Повертел так и этак. Никакой надписи.

Но слово из сна витало в воздухе, будто назойливая мелодия, название которой ты позабыл, и чем больше в такой момент стараешься его ухватить – тем шустрее оно ускользает. Мальчик сжал ключ, ощутив, как острые чешуйки ржавчины впиваются в кожу большого пальца.

И вдруг Франца осенило. Он оглянулся и пробежал взглядом по комнате: слева от двери высился сумрачный платяной шкаф, зеркальная дверь которого тускло поблескивала в полумраке. По правую сторону от входа – посередине комнаты – громоздилась пышная кровать со столбиками, на которой в ворохе одеял мирно спал Франциск. Еще правее, у другого окна, темнел второй высоченный шкаф, где по полкам были разложены скудные пожитки близнецов. Там, среди стопок одежды, обувных коробок, газетных вырезок и пары книг, лежал...

Франц ринулся к шкафу и рывком распахнул дверцу. Ночную тишину вспорол жалобный скрип, мальчик с громким шорохом принялся копаться на полках и уже через минуту вынырнул на свет божий с маленьким перочинным ножом в руках.

Франц вернулся к окну и застыл, едва коснувшись ключа острием ножа.

«Ты можешь все испортить из-за дурацкого сна, – сказал голос в голове. – Франциск Бенедикт, не глупи!»

Мальчика пробила испарина, но он все же внял иному голосу – тому, что шел из сердца. Тому, что шептал: «Ты узнаешь тайну».

И Франц, преодолев сомнения, осторожно поскреб ключ. На подоконник посыпались кусочки ржавчины. Мальчик работал с полминуты, стараясь действовать аккуратно, и наконец...

– Да!

На ключе оказалась буква!

Франц замер, впившись в нее взглядом.

«Это же "к"!»

Он затрепетал, не в силах сдержать волнения, сердце понеслось вскачь, будто кто рванул поводья.

Ту-дум, ту-дум... – билось в груди от мысли, что сон-то оказался *вещью*.

– Не может быть, – пробормотал Франц. – Не может быть... Это и впрямь волшебный ключ...

Перехватив поудобнее нож, он вновь взялся за дело. Сначала медленно, боясь соскрести чуть больше ржавчины и, чего доброго, уничтожить драгоценные буквы. Впрочем, под слоем коррозии оказался вполне крепкий металл, и Франц стал действовать смелее. Он и не заметил, как за окном посветлело, по рассветному небу пронеслись первые стайки птиц, а где-то в саду завел утреннюю трель соловей. Мальчик был полностью погружен в работу, со страстью археолога добывая из-под древнего наслоения букву за буквой, и наконец открыл все слово целиком...

Откинув голову и тяжело дыша, Франц распрямил затекшую спину. Отложил ножик, пошевелил занемевшими пальцами. По стержню ключа – от кольца до самой бородки – протянулись кривые черненные буквы. Их было семь.

К-Р-И-З-А-Л-И-С.

– Кризалис, – прошептал Франц.

Какое странное слово... Он никогда его нигде не встречал. Есть ли такое вообще?

«Кризалис, кризалис, кризалис...» – вертелось в голове мальчика, когда с драгоценным ключом в руке он забрался в кровать. Уже светало, скоро позовут к завтраку – так что на сон остается лишь пара часов, но Францу было плевать. Он открыл тайну!

Почти доказал, что ключ волшебный.

И у него, оказывается, тоже есть имя.

Кризалис.

Глава 4 о том, что сказок не существует

Взамке противно заскрежетал ключ, дверь содрогнулась от стука:

– Завтракать!

– Черт... – пробубнил Франц, ворочаясь под пуховым одеялом. – Так хочу еще поспать...

«Мать снова запирала нас на ночь. Успела взять у Мюриель ключ?» Не то чтобы он сомневался – хоть близнецам было уже по тринадцать лет, мать всегда так поступала, но все-таки Франциск надеялся, что Делайла не последует своему правилу здесь.

Видимо, тетка Мюриель тоже была не прочь держать их под замком. Франц снова недовольно заворочался, как вдруг утреннюю хмурость будто рукой сняло, и мальчишка подскочил и затряс близнеца.

– Фил! Слышишь? Ну хватит спать, уже утро. Давай сейчас спустимся к завтраку. Я хочу тебе кое-что показать. Да просыпайся же ты!

Растолкав брата (тот выглядел отчего-то еще бледнее, чем по приезде – или это был отсвет мертвенно-голубых обоев?), Франциск достал ключ и рассказал все, что случилось ночью: и про странный сон, и про открывшуюся надпись.

– Мм... – промычал Филипп, протирая голубые глаза. – Кризалис? Что это?

– Не знаю...

Голос Франца дрожал от возбуждения, а тело будто превратилось в пружину – так и хотелось прыгать, скакать, куда-то мчаться.

– Я думаю, это волшебное слово, которое открывает дверь.

Брат откинулся на спинку кровати и пронзил Франциска долгим, пристальным взглядом.

– Франц...

Тон был осторожным, но прохладным. Франциск досадливо цокнул языком. Только не это! Ну уж кто-кто, а Филипп *должен* понять! Просто должен, хотя бы потому, что они братья!

– Ты читал на ночь одну из своих книг со сказками?

– Нет, – отрезал Франц.

– Послушай...

– Нет, это ты меня послушай! – с раздражением перебил Франциск. – Я уже столько раз тебе говорил!

– А я столько раз говорил *тебе*, – вздохнул Филипп. – Сказки – на то и сказки.

«Нет! Прошу тебя, только не это!» Франц сжал в кулаке ключ. Конечно, Филипп не хотел с ним ссориться – он всегда действовал мягко и вдумчиво, не в пример ему – и так в лоб не стал бы противоречить. Но от этого недоверчивого тона становилось противно. Говорит с Францем будто с маленьким ребенком! Так и остальные говорили, едва мальчик заикался о волшебном ключе. Ладно мать или Мэри, но Филипп... Филипп, который верил ему всегда!

– Пожалуйста, – начал Франц мягче, – послушай. Нет, просто выслушай. Я ведь не знал, что на ключе есть надпись. Сколько раз я показывал его тебе! Были там буквы? А?

Филипп помедлил, но все же нехотя качнул головой. Обнадеженный, Франц продолжил:

– Вот! И как бы я мог узнать, что под ржавчиной что-то написано? Как? Сам подумай! И тут во сне я вижу надпись на ключе! Я просыпаюсь, соскребаю ржавчину, и что же? На ключе действительно написано то самое слово! Разве это не волшебство, а?

Франц умоляюще глядел на брата, но тот молчал.

– Я уверен, что это волшебное слово, которое открывает дверь, – продолжил Франц с напором разогнавшегося локомотива. – И я уверен, что когда найду эту дверь, то смогу ее открыть. На этот раз смогу! Знаешь... – Он заговорщицки огляделся. – Мне кажется, я нашел и место, ну, то самое. Вчера я что-то слышал по дороге, когда мы проезжали мимо реки, а после этот сон. Фил, я думаю... – Франц задержал дыхание от волнения. – Я думаю, Дверь где-то здесь.

Повисла тишина. Комнату заливал зеленоватый июньский свет – солнце еще только поднялось над горизонтом. В саду тенькали синицы, где-то под крышей угукали голуби. И все было бы хорошо, если бы не холодный взгляд Филиппа.

– Франц... – Брат помедлил, прежде чем продолжить. – Ты уже не маленький. Мне кажется...

«Не продолжай! Прекрати! Остановись!».

– ...тебе пора начать жить *реальной* жизнью.

Франциску показалось, будто близнец вlepил ему пощечину. Впрочем, лучше бы действительно ударил, чем сказал такую чушь.

Очень болезненную чушь.

Франц почувствовал, как волна гнева поднимается из глубин живота. Еще чуть-чуть, и он не сдержится – и тогда, возможно, вновь поругается с близнецом, ведь Франциск никогда не умел брать себя в руки.

– Послушай меня, – начал он сквозь зубы. – Ты тогда не видел ничего. Ну, когда у тебя была лихорадка. Ты ничего не соображал. Даже меня не узнавал. После *того случая* ты еще две недели валялся в отключке, и клянусь, если бы *он* появился у тебя перед самым носом, ты бы все равно ни черта не заметил! Но я – слышишь? – я видел!

– Простое совпадение. – Филипп сузил глаза. – В дверь наверняка вставили вшивый замок за полшиллинга, и от твоих ударов он вылетел. А потом ты дотащил меня до улицы, и нас подобрал кэбмен. Все так и было, Франциск. Никто не видел... этого... этого твоего...

– Я ВИДЕЛ! – закричал Франц, ударив себя кулаком в грудь. – Клянусь, я видел!

Он был готов заплакать. Почему, ну почему никто ему не верил?

– Он спас тебя, Филипп! Он! Тебя! Спас!

– Меня спас ты, – тихо проговорил брат. – Ты, Франц.

От нежного взгляда, которым одарил его брат, внутри Франциска что-то содрогнулось. «Младший боготворит старшего» – так всегда говорили вокруг. Франц слышал это краем уха, но всегда презирал такую болтовню. С чего бы его боготворить? Он дурак, сам это знает. Может, не такой уж плохой. Но все же Филипп куда лучше... Но сейчас, когда брат смотрел на него вот так, Франциск понял значение тех слов.

«Фил, не надо... Я не такой. Это не моя заслуга. Поверь. Это не я тебя спас».

На глазах Франца выступили слезы.

– Если бы... – покачал он головой. – Если бы это было так... Но что я мог, Фил? Что? Я только кричал и звал на помощь, и все. И тогда появился *он*, дал мне волшебный ключ, которым я открыл тот чертов замок, а *он* вытащил тебя. И напоследок сказал, что когда-нибудь я смогу открыть Дверь – если только буду верить. Если я не потеряю этой веры и буду стремиться найти проход, то однажды обязательно найду путь в его волшебный мир. Однажды я... мы с тобой...

Франциск протянул руку и крепко сжал бледную ладошку Филиппа.

– Однажды мы туда попадем. Я обещаю. Тогда ты увидишь, что я говорил правду. Он хороший. Он добрый. Он поможет нам, и все это... – Франциск обвел рукой комнату, подракумевая и дом, и равнодушную мать, и злую тетку, и мертвых бабочек под кленом, и даже, быть может, весь мир. – Все это сгинет. Понимаешь? Не будет этой Мюриель. Не будет никаких замков на дверях. Не будет бедности. И этих косых взглядов. Понимаешь? Мы станем свободны. И наконец-то счастливы.

В глазах Франца дрожали слезы.

Он надеялся еще кое на что, и Филипп прекрасно это знал.

Брат вытянул ладонь из рук Франциска и, отвернувшись, посмотрел в окно. За стеклом разгорался новый день – счастливый и солнечный, каким его увидит большинство людей. Но не Филипп.

– Брат... – тихо прошептал он. – Однажды ты поймешь, что волшебства не существует... И «все это», что ты имел в виду, – единственное, что тебе останется, когда...

Франциск с болью сглотнул.

– Я не спущусь к завтраку, – завершил Филипп и тяжело вздохнул.

Глава 5 о новой выходке Мюриель

Франц спустился на первый этаж, медленно переставляя ноги по ветхой лестнице. Никаких загадок резчик в ней не спрятал – узор был самый что ни на есть простой. Сейчас, в утреннем свете, мальчик разглядел по стенам над лестницей множество портретов. Очевидно, тетюшка Мюриель гордилась своей родословной. Делайла приходилась ей лишь двоюродной сестрой, оттого они и не были так уж близки, да и выросли в разных местах. На последней ступеньке Франц застыл. С нижнего портрета на него уставился суровый дядька – прижав к груди все три подбородка, предок Мюриель сквозь толщу времен сверлил мальчишку презрительным взглядом.

Франц скорчил рожу дядьке и вдруг услышал голоса: судя по всему, в столовой уже завтракали. По проходу, заставленному безвкусной мебелью, загроможденной безделушками, разносился гулкий басок тетки – та что-то втолковывала матери. Пересиливая отвращение, Франц поплелся на звук.

– А я говорю, Делайла, – продолжила тетюшка, когда Франц появился в дверях, – это все детская дурь. Поверь моему слову – дети все такие. Они не желают взрослеть, покуда не высыпать им парочку розог.

Тетюшка Мюриель восседала за столом точно английская королева. Вокруг меланхолично бродила служанка, расставляя тарелки, а сама хозяйка, держа увесистый белый ломоть – порцию в пять раз больше той, что Франц съедал за день, – намазывала на хлеб паштет. Завидев в дверях племянника, Мюриель сделала вид, что его не заметила, и продолжила говорить – правда, теперь чуть громче:

– Мальчишке *очень* пойдет на пользу гимназия! Закрытая школа только для мальчиков. Никаких развлечений, никакой пустой болтовни, только учеба и строгая дисциплина! Из него сделают настоящего мужчину, уж поверь мне, Делайла. Через полгода ты не узнаешь своего

сына! Он мигом забудет про эту свою... чепуху. – Мюриель фыркнула, одарив ломоть (или Франца?) усмешкой.

Ломоть, который стал в два раза толще после манипуляций с паштетом, отправился напрямиком в тетушкин рот. Дряблые щеки Мюриель задвигались с завидной для старухи скоростью.

– Боюсь, это невозможно, – ответила Делайла.

Франц наконец вошел в столовую и присоединился к завтракающим. На его приветствие тетушка ответила невнятным мычанием, а затем, звучно сглотнув, утерла рот салфеткой и поинтересовалась:

– Как ты спала, дорогая Делайла?

– Спасибо, ночь прошла хорошо.

Мать – как всегда с поджатыми губами – аккуратно поддевала овсянку самым краешком ложки и медленно подносила ко рту. Жевала она с таким видом, будто это были сырые телячьи мозги. Впрочем, аппетита у нее никогда не наблюдалось. Не только к еде, но и к жизни в целом.

– А я – просто ужасно! – Заданный вопрос оказался уловкой, чтобы в очередной раз пожаловаться на здоровье. – Всю ночь не сомкнула глаз. Ох уж эта старость! И теперь, мало того что у меня начинается мигрень, вдобавок совсем пропал аппетит!

На этих словах тетка закончила намазывать второй бутерброд – еще внушительнее, чем первый. Франц уныло уставился в свою тарелку со склизкой кашей.

– Впрочем, я и то ем больше, чем твой сын. – Тетка кивнула в сторону Франциска. – Почему он такой худой? Ради бога, Делайла, неужели ваши дела *настолько* плохи? Вы что, голодали?

Мать поджала губы:

– Он просто растет.

– Что-то незаметно, – фыркнула Мюриель. – Меньше лекарств, больше труда – вот что я всегда говорила! Дурные мысли появляются, когда есть время думать. А в этом возрасте мальчишкам думать вредно. Полковник Бабкок... – На этом имени тетушка перевела дыхание. – Полковник Бабкок имеет отличные связи и наверняка сможет устроить мальчишку в подходящую школу. Хоть это очень непросто, ты же знаешь, найти место в престижном заведении... Когда мальчишка, прямо скажем, не одарен ничем, кроме нахальства...

Безусловно, Делайла Фармер и сама была того же мнения. Но сейчас в ней боролись два чувства. С одной стороны, Мюриель права: Франц – эгоистичный, несдержанный ребенок. С другой, критикуя мальчика, тетушка критиковала и саму Делайлу: ведь если она вырастила такого непутевого сына, значит, и сама непутевая!

Франц уловил, как на скулах матери задвигались желваки. Кажется, миссис Фармер из последних сил сдерживалась, чтобы не сострить в ответ на «любезности» Мюриель. Мальчик с удовлетворением заметил, что мать изо всех сил пытается сохранять на лице вежливое равнодушие.

«Ну и пусть помучается, пусть теперь знает, каково это...»

Впрочем, вся эта ситуация несколько не сблизила мать с сыном, а, наоборот, еще больше отдалила. Тетка с матерью не замечали, что за столом сидит третий. За это время Делайла ни разу не взглянула на Франца, хотя речь шла о нем.

Проигнорировав недовольство Делайлы, тетушка продолжила с тем же азартом:

– Так что насчет школы? Подумай, Делайла. Очень хорошо подумай. Мальчишка растет как сорная трава – делает что хочет да лоботрясничает целыми днями, прикрываясь своими странностями... Разве ты не видишь? Он же тебе на шею сел! Не потакай ему, слышишь? Закрытая школа – вот что ему нужно! Целый год вдали от материнской опеки сделает его мужчиной.

«От материнской опеки? О чем она?» – подумал Франц и вдруг... До него кое-что дошло. Год. Вдали. Отсюда.

«Филипп!» – чуть не вскрикнул Франциск, и его обдало холодом. Чертова Мюриель! Если она начнет шантажировать мать, чтобы избавиться от Франца, в итоге это действительно может закончиться закрытой школой, и тогда...

Их разлучат с Филиппом.

Сердце пропустило удар. Франц со всей силы стиснул мельхиоровую ложку и бросил косой взгляд на чрезвычайно довольную собой Мюриель: идея сбегать племянника на целый год ее буквально захватила. «Ненавижу», – прорычал про себя Франц. Еще чуть-чуть, и он не выдержит, бросит все и убежит прочь... Прочь!

– Делайла, ты, конечно, слишком молода. – Тетушка снисходительно улыбнулась. – Но все же должна понимать, что держать мальчишку при себе – значит портить его! Поверь мудрой даме, один год в закрытой школе, и мальчишка позабудет о странностях. Станет нормальным, как все. Полковник гостит у нас каждый четверг, и если хочешь, я попрошу его об услуге... Да, это сложно, и у вас нет денег платить за учебу. Но, в конце концов, я его тетя. – Мюриель горделиво вскинула подбородок. – Да и полковник Бабкок мне ни разу ни в чем не отказывал...

На этих словах рыхлые щеки тетушки Мюриель (которая, как помнил Франц, так и осталась старой девой) слегка покраснели. Франц содрогнулся от отвращения.

– Спасибо, Мюриель, – ответила мать, откладывая ложку в сторону; поговорка «аппетит приходит во время еды» с Делайлой не срабатывала. – Я подумаю над твоим предложением.

«Нет! – вскричал про себя Франц. – Только не это!»

– Отлично. Рада, что мы нашли взаимопонимание.

По рябому лицу Мюриель расплылась довольная ухмылка.

Весь завтрак Франциск едва сдерживался, чтобы не выбежать из-за стола, – ведь тогда у тетки появился бы повод наказать племянника. Он не должен был поддаваться на ее уловки. «Чертова Мюриель... ненавижу!» – скрежетал про себя Франц, с неистовством черпая овсянку. Он раздумывал о коварной мести... Всякий раз, когда тетка называла его лоботрясом, хамом и невеждой, Франц воображал, как прокрадывается к тетке в спальню и привязывает ее волосы к столбику кровати... кромсает ножницами рюшчатую шляпку... подливает в чай воду из уборной...

Наконец принесли поднос с чашками. Увлечшись последней фантазией, Франц сделал первый глоток и чуть не поперхнулся.

«Что за ерунда?»

Коричневая жидкость в чашке была странной. По виду – чай, но вот вкус... Франц поднял взгляд: тетушка Мюриель прихлебывала из своей чашки без каких-либо проблем, лицо миссис Фармер не выражало большего недовольствия, чем обычно.

– Эм...

На него не обратили внимания.

– А можно... Можно мне другой чай?

Губы миссис Фармер слегка дернулись, но глаза остались холодны и мертвы.

– Нет, – отрезала она и отвернулась.

Франц еще раз втянул ноздрями запах и наконец узнал его.

Лекарства.

По-видимому, тетушка была в курсе: ее лицо расплылось в ухмылке. Мать уже давно ничего не подмешивала в еду Франца, и он было расслабился, но сейчас...

Все из-за переезда.

«Она боится, что я выкину что-нибудь еще, – подумал Франц. – И Мюриель нас выставит».

Что это были за препараты, Франц не знал. Иногда к ним заезжал доктор, и после его визитов на столике матери оставались бутылки. А затем еда и питье Франца приобретали

странный запах. Мать делала вид, что ничего не происходит – хотела, чтобы все казалось нормальным.

Но суть оставалась такова.

Делайла считала, что странности Франца – последствия *того случая* и, не желая верить сыну, предпочитала накачивать его сомнительными снадобьями. Одно лекарство сменяло другое, и после некоторых мальчика сильно мутило. Иногда от «успокоительных» начиналась мигрень, но чаще всего в голове воцарялся такой туман, что Франц переставал соображать, что говорит и делает. Лекарства связывали язык. Наливали тяжестью руки и ноги. Одурманивали мозг. Это было нужно для того, чтобы он не делал и не говорил ничего странного – разумеется, странного лишь по мнению матери.

Как-то раз Франц даже потерял сознание, но мать списала все на тепловой удар. Мальчик этого не забыл. И это была еще одна причина ненавидеть Делайлу – то, что она не гнушалась ничем, чтобы добиться своего. Заставить Франца молчать. Связать его по рукам и ногам. Соблюсти приличия.

У него не оставалось выбора: он знал, что мать все равно заставит допить эту дрянь. И Франц пошел на уловку – задержав дыхание, в несколько глотков осушил чашку, поблагодарил за завтрак, чинно вышел из столовой и, оказавшись вне зоны видимости, рванул в сад.

В саду тенькали синицы, а в темных буковых ветвях сновали чьи-то шустрые маленькие тени, то и дело нарушая деревенскую тишину писком и шорохом. Хлопнув входной дверью, Франциск буквально скатился с крыльца и помчался в дальний угол сада, подальше от пронзительных взглядов матери и тетки. «Скорей, скорей!» Укрывшись в кустах под огромным буком, Франц надавил двумя пальцами на корень языка и через секунду сложился пополам, расставаясь с содержимым желудка. Он знал, что до полудня еще далеко и тетка не позволит съесть что-то в перерыве между трапезами. Он останется голодным.

Но выхода не было. Чем скорее избавишься от лекарства, тем слабее оно подействует. Может, и вовсе не успеет.

Утерев рот листьями, Франциск прислонился лбом к стволу огромного бука. Кора еще холодна – солнце даже не начало припекать, и мальчик позволил прохладе расплзтись по охваченному огнем лицу...

Он надеялся, что переезд изменит их жизнь. Но все продолжалось: бедность, косые взгляды, презрение матери, ночи под замком, болезнь Филиппа, лекарства...

«Пожалуйста, – взмолился Франциск, – если ты меня слышишь... Если можешь... Спаси меня. Прошу, спаси меня из этого ада – как тогда! Я готов на все, чтобы сбежать отсюда. Покажи мне путь. Подай знак! И я найду эту Дверь. Я ждал все это время, и ради тебя – я смогу. Поверь мне... Поверь хоть ты... Прошу...»

Франциск закрыл глаза, глядя холодную кору дерева и представляя образ того, кого призывал. Он позволил мыслям покинуть его и воззвать к чему-то далекому, неведомому, но столь желанному...

Его мысль – стрела.

Он не видел направления, но знал цель и пустил стрелу – потому что ничего иного не оставалось.

– Прошу... – прошептал он.

И тут...

Прямо за спиной Франца раздался очень странный звук.

Глава 6 о появлении бражника

Басовитое, сочное гудение, тут же переместившееся чуть вперед. Франц приоткрыл глаза и с удивлением увидел зависшее перед лицом странное существо...

Это было насекомое, причем очень большое.

Франциск похлопал глазами, пытаясь скинуть наваждение. Неужели лекарство подействовало? В голове словно клубился легкий туман – возможно, просто странный эффект нового снадобья и ему все только кажется?

Но нет, насекомое было вполне реальным. Франц протянул руку, и мотылек отпрянул, но не улетел, а продолжил покачиваться в воздухе, работая крылышками с бешеной скоростью. Казалось, он намеренно гудел совсем рядом с мальчиком, разворачивая и вновь скручивая хоботок. Обычно Франц носился за насекомыми с сачком, а этот мотылек и не думал удирать.

Напротив, завис перед лицом мальчишки, словно всматривался в него, словно... силился вспомнить?

«Ерунда! – Франц тряхнул головой. – Насекомое не может меня разглядывать и уж тем более помнить! Черт, а Фил иногда прав, я слишком много придумываю. Это самый что ни на есть обыкновенный бражник, просто такого гигантского я ни разу не видел!»

И в этот самый момент бражник резко качнулся из стороны в сторону.

– Э... что?

Франц уставился на мотылька. Тот вновь сделал то же странное движение. И Франц вдруг понял, что... это сродни мотанию головой, когда человек хочет сказать «нет». Вправо-влево. Разве не так?

«Чушь, – заявил голос в голове. – Бражники не понимают человеческую речь!»

Но другой голос – шедший из сердца – прошептал:

«Или... могут?»

– Ты же обычный бражник, да? – повторил Франц, чувствуя себя до крайности неловко. Движение вправо-влево.

У Франца перехватило дыхание.

– Ты... ты меня понимаешь?

Грузное тельце бражника приподнялось и тут же опустилось. Франциск оторопел, чувствуя, как слабеют ноги.

«Это лекарства... просто подействовали лекарства!» – затарахтел голос в голове, но второй, из сердца, окреп и зашептал в противовес:

«Сам знаешь, что нет».

Франциск смотрел на бражника, а тот все не улетал, чего-то ждал...

У мальчика перехватило дыхание. Он вспомнил, как говорил: «Покажи мне путь. Поддай знак! И я найду эту Дверь».

Франц вздрогнул от неожиданно накотившего озноба и был готов поклясться, что это не следствие вызванной им тошноты или действия снадобья. Таинственное и сумеречное предчувствие скрутило живот – так, будто вот-вот случится нечто из ряда вон... Будто еще миг – и Франциску откроется нечто волшебное... По-настоящему волшебное!

– Тебя прислал он?

Бражник повисел в воздухе, будто раздумывал, затем «кивнул».

– Кто ты?

Бражник спикировал на рукав Франциска, повернулся, и мальчик ахнул. Тело бражника было длиннее, чем указательный палец Франца, мясистое и мохнатое. На самом верху черно-желтой спинки темнела странная отметина, напоминающая человеческий череп. Насекомое поднимало и опускало мягкие щетинки, словно дышало, и оттого создавалось впечатление, что череп кивает...

Никогда в жизни Франциск не видел ничего подобного. Правда, перед отъездом мистер Бэрил – единственный взрослый, который всегда сулил ему большое будущее в качестве натуралиста, – сделал любимому ученику роскошный подарок. Большая энциклопедия насекомых. Учитель знал, что больше всего в мире фауны мальчик любил насекомых, а именно бабочек и мотыльков.

Очарованный необычным узором, Франц размышлял, найдет ли такой вид в книге. «Череп... Почему – череп? Если это действительно *его* знак, почему он такой странный?»

Впрочем, мотылек не был опасным – он медленно ползал по рукаву мальчика, касаясь ткани хоботком, и вовсе не стремился ее прокусить. Напротив, Францу казалось, будто бабочка относится к нему с дружелюбием, и сомнения, вызванные страшным рисунком, развеялись.

Из этого уголка сада было хорошо видно крайнее окно спальни близнецов. Остальные окна заперты, это – распахнуто. Отсюда Франц мог видеть, как ветер колышет бледно-голубую занавеску, и та вновь пляшет – то накрывает подоконник, то исчезает в комнате. Снова эта паутина... за которой прячется попавшийся в ловушку мотылек.

Филипп, пожалуй, сейчас лежит в кровати и смотрит в окно: он любит думать о чем-то, наблюдая, как плывущие по небу облака меняют форму... Видимо, брату снова душно, раз открыл раму. Франциск потянулся левой рукой к вороту и, расстегнув пару пуговиц, вытянул ключ. Стержень тускло блеснул на солнце, но буквы при свете стали отчетливее.

– Кризалис, – прошептал Франц.

Вдруг бражник, переползший уже на локоть, расправил крылья и взлетел. Секунда – и мотылек завис прямо перед ключом, вытянул хоботок и коснулся надписи.

У Франциска перехватило дыхание.

– Значит, ты и правда все понимаешь? Ты знаешь, что это за ключ?

Бражник подлетел вверх, затем спикировал вниз.

«Да!» – чуть не вскричал Франц.

– Дверь, – взволнованно прошептал мальчик. – Я хочу найти Дверь!

Бражник какое-то мгновение жужжал на месте, затем медленно вытянул хоботок и коснулся кончика носа Франциска. И тут же, натужно гудя, сделал вираж и метнулся прочь.

– Эй, ты куда?

Этого Франц не ожидал.

– По... погоди! Эй!

Хлопнула дверь, слышались голоса. У Франца екнуло сердце.

«Если увидят меня, тут же прицепятся. Нет уж!»

Он оглянулся – за деревьями маячили фигуры. Тетушка Мюриель? Мать? Служанка? Мальчик вновь посмотрел на бражника – отлетев на пару десятков шагов, мотылек завис. Черно-желтое тельце ярко выделялось на фоне темных стволов. «Он ждет!» – понял Франц. А голоса приближались, и времени на раздумья оставалось все меньше.

Конечно, ему не разрешали покидать территорию, и если он сейчас сбежит... Но, с другой стороны, если Франц не послушает бражника – кто знает, прилетит ли тот снова?

«А вдруг ты больше никогда не найдешь Дверь? Не уппусти шанс!» Франц был готов съесть в наказание всю коллекцию шляпок Мюриель, но сейчас он должен – просто должен! – следовать за мотыльком.

Сжав ключ в кулаке, он выскочил из кустов и метнулся к бражнику. Позади гневно закричали, но Францу было плевать: скорее, скорее, пока мотылек не улетел! Увидев, что мальчик следует за ним, бражник полетел дальше.

По лицу хлестали ветки и листья, плети роз хватали колючками за штаны, когда Франц перескакивал через кустарники, но он бежал и бежал, подстегиваемый страхом, что упустит проводника из виду. Вскоре Франц выскочил за пределы сада и, петляя вдоль живых изгородей и межевых рощиц, помчался по улице к окраине деревни.

– Погоди! – закричал Франц, задыхаясь. – Эй!

Но бражник, не обращая никакого внимания на оклики, летел дальше.

Тропинка нырнула в заросли кустарников и диких деревьев, увитых пахучей жимолостью, а следом скользнула под арку из сплетенных ветвей. Франциск выскочил из дебрей на открытое пространство.

Здесь раскинулись холмы, густо поросшие травой. Слева между взгорьями вилась дорога – кто-то ехал на станцию, за коляской тянулось золотистое облако пыли. Впереди блестела река, извиваясь между всхолмий к другим деревенькам и другим мельницам. На берегу темнело знакомое здание, и гигантское колесо отбрасывало длинную, холодную тень.

Франциск замедлил бег и наконец остановился. Вокруг щебетали воробьи, где-то вдали куковала кукушка. Из травы тут и там пробивались яркие пятна цветов, взлетали мошки и бабочки, затем ныряли обратно. Кроны деревьев наполняло томное, сочное гудение. Но того самого – басовитого и глубокого, которое он бы ни с чем теперь не спутал, – Франц не слышал. Бражник исчез.

– Э-э-эй!

Ответа не было. С мельницы прилетел ветер и взъерошил густые волосы Франца, бросив ему в лицо неведомые ароматы. Дышать свежим, пряным воздухом после смрада Ист-Энда было так непривычно. Мальчик посмотрел в небо над мельницей – ярко-голубое, как яйцо дрозда, которое Франц видел в книге, – зенит был удивительно прозрачным. Солнце поднималось над деревьями все выше, чтобы согреть июньский день. Вверху проносились белые облака, бросая тени на холмы.

– Э-э-эй! – снова крикнул Франц.

Ничего.

Он закрыл лицо руками: «Упустил...»

За спиной захрустели ветки, зашелестели листья.

Франциск развернулся. Сквозь жимолость, отстраняя лозы, кто-то продирался – в зелени замаячило клетчатое пятно. Пара секунд, и из-под зеленой арки вынырнула девчонка. Вид у нее был потрепанный: платье помято, рукава неряшливо закатаны, в волосах – листья и древесный мусор. Девчонка уставилась на Франца ярко-синими глазами. Взгляд был прямой и смелый, и она явно не стеснялась Франциска, в отличие от других девочек, с которыми он был знаком. Незнакомка шмыгнула носом и кивнула:

– Че орешь как резаный?

– А?

Франц растерялся. Девчонка появилась в тот момент, когда бражник исчез... А что, если...

– Это *ты*?!

Девчонка приподняла бровь.

– Что – я?

Франц смутился. Не дождавшись ответа, девчонка подозрительно огляделась, но, конечно, никого не увидела. Возле мельницы они были одни. Тогда незнакомка решительно вылезла из кустов и предстала перед Франциском в полный рост.

Она была невысокая, худая. И видимо, не маленькая леди: простое клетчатое платье изрядно потрепано, из-под подола торчат тощие ноги в растоптанных ботинках, вместо аккуратной прически – две косички с выбивающимися «петухами». Судя по всему, заплела их не любящая мама, а сама незнакомка, наспех да лишь бы отделаться.

Не сказать, чтобы девчонка была симпатичная – порой Франц видел в городе ну очень хороших особ, – но и дурнушкой бы ее не назвал. Что-то было в ее лице – широким и открытым, по-мальчишески смелым... Что одновременно и отталкивало, и привлекало.

Франц все смотрел на девчонку и не мог понять: то ли она ему нравится, то ли категорически нет.

– Ну? Так что – я?

Франц открыл рот, но сразу захлопнул. Нет. Время от времени он делился тайной ключа с кем-либо из окружающих, и в лучшем случае это заканчивалось недоумением. В худшем... мать запирала его в спальне.

– Забудь.

«Куда же он скрылся?»

Мальчик осмотрелся – над холмами сновали только пчелы, осы и прочая мелочь. Бражника Франц увидел бы сразу.

«Улетел! – Франц досадливо цокнул языком. – Почему же он меня бросил?»

– И кого ты здесь ищешь? – с усмешкой спросила незнакомка. – Ломился по кустам так, будто тебя в задницу жалили. За кем бежал? Расскажи, мне интересно.

– Я... просто...

– И бежа-ал, – растягивая слова, девчонка сделала еще шаг и теперь, если бы она захотела, смогла бы коснуться Франца, – бежа-ал от дома Де-едлоков...

Она ткнула пальцем через плечо в сторону дома тетушки Мюриель.

Девичья фамилия матери Франца была Деддок.

– И что? – насупился мальчик.

Незнакомка ухмыльнулась:

– Да ничего. Просто вчера кой-чего слышала...

«Ага, слышала она». У Франца почему-то появилось ощущение, что на самом деле «подслушала». А это не одно и то же.

– Говорят, к Мюриель приехали родственники...

Франц пожал плечами.

– Что, впервые слышишь?

Франц промолчал, но девчонка продолжила, лукаво сверкнув синими глазами:

– Ну... ладно. Давай подумаем вместе. Проходит слух, что к старухе Деддок приезжают родственнички – это раз. – Она загнула палец. – На следующий день рядом с домом ошивается мальчик, которого я впервые вижу, – два. И три: этот тип вдруг срывается с места и несется через бурелом, вопя что-то вроде: «Эй, подожди меня!», причем от него никто не убегает. Каковы шансы, что ты не тот самый племянник Мюриель?

Незнакомка уставилась на Франца, но тот не проронил ни звука.

– Я думаю, шансов ровно столько...

Девчонка показала на пальцах ноль, а затем, удовлетворившись замешательством Франциска, улыбнулась:

– Стало быть, ты – чокнутый?

– Чего-о-о?

Незнакомка обошла Франца кругом, рассматривая так, будто пыталась отыскать те самые признаки чокнутости. Может, думала, он топор за спиной держит?

– Эй! – Франц развернулся к девчонке лицом. – Что за ерунду ты пореешь?

– Кое-кто проболтался, что Мюриель ждет в гости чокнутого племянника.

– Бред... – фыркнул Франциск.

– Мм, ясно.

Завершив круг, девчонка встала на прежнее место и ухмыльнулась.

«Чокнутый»... От этого слова на языке оставался тошнотворный металлический привкус. «Они сказали, что я чокнутый. Ну не Филипп же, конечно!»

– Я не чокнутый! – звенящим голосом отчеканил Франц.

Его сжавшиеся кулаки говорили о том, что внутри мальчика бушевал шторм. Девчонка же сверлила его взглядом – будто проверяла, не выкинет ли он какую штуку ей на потеху. В ее огромных глазах отражалось все небо, и оттого они казались еще синее. Но Франциск вдруг понял: нет, она ему не нравится.

Не нравится!

И в тот миг, когда он это признал, незнакомка протянула ему руку:

– Лу.

Франц поглядел на ее грязную ладошку с едва зажившими царапинами.

– Мм?

– Что, у лондонцев не принято так здороваться? Или мне сделать реверанс? – Лу ухмыльнулась. – Обойдешься.

Происходило что-то странное. Франциск ответил на рукопожатие неловко и слабо. Ладонь девочки оказалась прохладной и чуть влажной.

– А сам ты кто?

– Франциск, – прошептал он в ответ.

– Фра-а-ан-ци-и-иск, – протянула девочка так, будто произнесла имя самого короля. На фоне «Лу» это прозвучало... громоздко.

– Ты правда чокнутый?

– Нет.

– Так и знала. Взрослые вечно несут чепуху, ни в чем не разобравшись. – Лу хмыкнула. – Про меня тоже болтают. Очень в их духе. Ну ладно, забудем. Только скажи: за кем ты гнался?

– Это... это было насекомое. Я собираю их.

– О, правда? И много собрал?

Франц подумал об останках гусеничек под кленом, растоптанных куколках и растертых в пыль бабочках. Он гулко сглотнул и неопределенно пошевелил рукой.

Лу явно почувствовала что-то неладное, потому как затараторила:

– У меня под кроватью живет сверчок. Слышал, как они скрипят ночью? Отец считает, это дурной знак, пытался его выпроводить. Не поймал. А в среду упал в колодец, так теперь

лежит дома с больной ногой и ругается. Говорит, весь дом перевернет, а этого мерзавца достанет. Но сдастся мне, сверчок поумнее моего папани и выиграет-таки он.

Девчонка ухмыльнулась. Странные у нее были замашки, городские девчонки так не разговаривали, разве что ист-эндские. Франца всегда одергивали, когда он вел себя с дочерями маминых подруг как-то не так: то грубовато ответил, то задал неучтивый вопрос. И девочки эти были другие – сидели на краешке кресла, жамкая ладошками рюши на платье, а потом, пригубив чай из кружки (Франц сомневался, что они выпивали хотя бы половину к концу вечера), вежливо благодарили хозяйку и стеснительно улыбались.

Такие визиты были у них до *того случая*. То есть несколько лет назад. Но отчего-то эти сахарные девчонки врезались Францу в память. Наверное, потому, что он никогда не находил с ними язык. И вообще не понимал, зачем их притаскивали в дом. Впрочем, манеры Лу оказались Францу близки: он был уверен, что, если предложить чай ей, та выпила бы махом до дна. И еще потребовала добавки.

Внезапно незнакомка снова понравилась Францу.

– А еще я собрала в банку лягушачью икру, – рассказывала Лу. – Из нее вылупятся головастики. А потом превратятся в лягушек. Очень любопытно посмотреть!

– Здорово.

Лу хмыкнула и кивнула.

– Может, как-нибудь покажу. Если ты все же не чокнутый. А что это за насекомое, за которым ты гонялся?

– Бражник.

– Бражник? Что за штука?

– Ночная бабочка. Их много, но этот... я никогда такого не видел. Даже в книгах.

– Кни-игах, – протянула девчонка таким тоном, будто Франц выдал что-то слишком заумное. – Хм, ну и как выглядел этот твой бражник?

– Он... большой. – Франциск показал руками расстояние в три-четыре дюйма. – С длинным хоботком. Тело мохнатое, такое... черно-желтое.

– Черно-желтое? – резко переспросила Лу. – А на спине рисунок?

– Э... да.

– Череп?

– Откуда ты... – оторопел Франц. – Видела его?!

– Ага, – кивнула девчонка.

– Когда? Где?

– *Визу*.

Лу ткнула пальцем в голову Франца, и до него дошло: *бражник сидит у него на макушке*. Затаив дыхание, мальчик поднял руку...

«Бззз!»

Бражник скользнул между растопыренных пальцев, на секунду завис перед самым носом Луизы, круто развернулся к Францу, сделал вираж возле самого его лица и метнулся в сторону.

– По... погоди!

Франциск забыл обо всем: что девчонка может посчитать его странным, что у его тайных дел появился свидетель. Он думал лишь, что бражник вот-вот покажет ему Дверь. Мальчик круто развернулся и рванул за мотыльком через поле вереска, вниз и вниз, к берегу реки. Лу что-то крикнула вслед, но он не расслышал.

Вскоре бражник резко свернул влево, к мельнице.

Франц даже споткнулся.

Мельница!

Это не совпадение. «Дверь там! Бражник покажет! Скорее за ним!» Франциск выбился из сил – воздуха не хватало и легкие жгло, но он не останавливался. В крови снова запульсировало

предчувствие волшебства. Он приближается к тайне. Франц чувствовал это. Он уже близко. Совсем скоро сбудется то, что он ждал годами...

Бражник нырнул в густую тень. Когда Франц подбежал ближе, возле здания было пусто. Задрав голову, он осмотрел стену – не притаилось ли насекомое на одном из грубых серых камней? Нет. Проводник вновь исчез.

– Черт...

Франциск принялся мерить шагами берег, вглядываясь в мутно-желтую глину около воды. Волны нанесли листьев, веточек, коробочек с семенами... Но мотылька нигде не было. Куда же он подевался? Послышался топот. Спустившись с холма, Луиза нетерпеливо выдохнула:

– Ну?!

– Упустил...

Франц с досады пнул комок глины. У кромки воды берег был вязкий и топкий, и ботинки оставляли вмятины, которые тут же заполняла жидкость. Прищурившись от солнца, Франциск повернулся к мельнице.

Возвышаясь над рекой, старое здание бросало на берег тень и молчание – и Франц почему-то подумал, что действительно есть такие вещи, которые звучат тишиной.

Он буквально чувствовал, как когда-то округу наполняли скрип и плеск, голоса людей – крики мельника, ругань рабочих.

Сейчас все сковала немота.

Люди, трудившиеся на мельнице, давно умерли. Здание забросили, и было странно, что остов еще не растащили на доски и камни. Колесо застыло, ненужное и одинокое. Лопастям уже не суждено вновь зачерпывать воду и относить искрящиеся капли к небу. Дощечкам осталось лишь доживать свой век, рассыпаясь трухой под палящим солнцем и зимними ветрами.

Ребята молчали, глядя на величавую, пустующую мельницу. Тихие всплески волн навевали грусть. Франциск бросил взгляд на Луизу – сжав губы, та пристально рассматривала иссеченную дождями крышу и о чем-то размышляла. На ее лице лежала глубокая тень.

Речные волны меланхолично лизали огромное колесо, бились в основание мельницы с чавканьем и хлопаньем. Те лопасти, которые были в воде, давно прогнили и упали на дно.

Это место вовсе не походило на то, что видел во сне Франциск.

Мельница во сне была жива.

Серебрясь в лунном свете, колесо зачерпывало воду и возносило к звездам, а она летела с высоты маленькими искрящимися водопадами... Франц стоял на залитом лунным светом берегу, разглядывал ключ, и тот тихо сиял серебряным светом так же, как сама мельница. Округу наполнял ритмичный плеск, маленькие ручейки звенели точно пересыпающиеся хрустальные бусины, а в поднебесье звучала далекая и завораживающая песнь ветра...

Франциск нащупал ключ сквозь ткань рубашки. Пересчитал пальцем зубчики (их было пять), добрался до стержня. «Кризалис... что же это значит?»

Вдруг мальчик насторожился, прислушиваясь.

– Откуда это?

– Что? – Луиза очнулась и завертела головой. – Бражник?

Франц не ответил.

– Эй, ты куда?

Франциск решительно подошел к мельнице и прижал ухо к стене.

Странная далекая мелодия, будто ветер завывал в стрехах крыши, стала чуть громче. А может, кто-то играл на неизвестном мальчику инструменте? И все-таки – нет, это не ветер! Ясно угадывался ритм, что ветру несвойственно. Это точно музыка, просто очень далекая или доносящаяся сквозь толщу воды... или стены.

– Ты слышишь? – Франц махнул Луизе, чтобы та подошла ближе. – Слышишь это?

Лу выглядела озадаченной.

– За мной!

Франциск забежал за угол каменного здания и увидел старую деревянную дверь, на которой висел насквозь проржавевший амбарный замок. Как же попасть внутрь, туда, где звучала призрачная музыка?

– Чего ты сорвался? – догнала мальчика Луиза. – Бражника услышал, да?

«Она ничего не понимает. Ничего».

Франц не ответил. Он хотел было перевернуть замок и посмотреть на скважину – может, его собственный ключ подойдет? – но вдруг заметил, что гвозди, на которых держатся петли, почти выскочили из каменной стены. Мальчик дернул раз-другой, и штифты вылетели, а замок с лязгом шмякнулся на каменную ступень. Дверь со скрипом приотворилась.

Ребята заглянули внутрь.

В таинственном полумраке угадывались очертания балок, перекоордин, лестниц и внутреннего колеса, над которым нависал большой мрачный конус, куда когда-то засыпали зерно.

Франциск ступил на порог, но Лу дернула его за рубашку.

– Ты куда? – шепнула она.

– Слышишь? – ответил мальчик, почему-то тоже шепотом, и кивнул в сумрак.

Он улавливал тихий отголосок мелодии, доносящийся откуда-то изнутри. Теперь, при распахнутой двери, звуки стали громче.

– Подожди здесь.

И Франц шагнул в царство прели и полумрака. Он втянул ноздрями дух старины: рассохшегося дерева, пыли, тлена. Дерево разлагалось от близости воды, балки источали мутный запах. В крыше зияли дыры, сквозь которые весной лил дождь, а зимой падал снег. Сейчас воздух тут и там прорезали солнечные лучи, но ближе к полу и стенам все окутала темнота. Франц сделал пару шагов. Под ботинками захрустели щепки и старые листья – видимо, нанесло через прорехи. Тишина испуганно юркнула по углам, но через секунду вернулась, чтобы вновь укутать незваного гостя удушающим покрывалом.

За спиной Франца скрипнуло: это Луиза просунула голову в дверь.

– Эй? – донесся ее робкий шепот.

Франц, не отвечая, вышел на середину мельницы и остановился.

Его охватил затхлый полумрак, и тень, прятавшаяся за дальним поворотом в воспоминаниях, выпростала черные лапы, потянувшись к горлу. Сердце гулко забилося в сумрачной духоте. Запах плесени и пыли заставил вновь переживать пугающие воспоминания. Ноги задрожали – и не было тут Филиппа, чтобы успокоить брата.

Нет! Нельзя убегать! Он должен идти дальше.

Ради мечты.

Мальчик тяжело сглотнул и попытался унять волнение. Из-за гулкого стука крови в ушах он почти ничего не слышал. «Музыка. Сосредоточься на музыке». Франц закрыл глаза, медленно задышал, чуть успокоился, а потом открыл глаза и увидел...

Дверь.

В глубине мельницы в стене темнела дверь!

Самая обыкновенная, даже проще, чем в жилищах бедняков. Сколоченная из грубых досок, она плотно прилегала к косяку: в щелях темно, ни лучика не пробивается из помещения по ту сторону. Лишь в неверном свете, проникающем с крыши, тускло блестела латунная ручка.

«Это она... она... она...»

Ноги сами понесли Франца вперед.

В животе все сжалось от мысли, что это...

Та самая дверь.

Нет, не просто дверь, а Дверь.

Франц провел дрожащими ладонями по шершавым доскам. Наверное, когда-то эта дверь вела в хранилище для зерна, и, чтобы запасы не разворовывали, ее запирали на ключ. Правда, обычно рабочие вешают замок, но у этой была скважина. Франциск дотронулся пальцем до холодной металлической выемки. Присел на корточки и заглянул внутрь. Темно. Прищурился – нет, не видно ни зги.

Что же по ту сторону?

Десятки людей распахивали эту дверь и захлопывали. Может, даже пинали со злости. Но никто не знал, что она – та самая...

Дверь ждала Франца, быть может, целый век.

Он прижал ухо к замочной скважине и затаил дыхание. Даже страх отступил. Тревогу перебило яркое, терпкое предчувствие волшебства.

Музыка... где же она?

Когда Франциск вошел, тихая мелодия отступила в полумрак, спряталась в нем, будто робкая птица, и сейчас мальчик чувствовал разочарование птицелова, упустившего редкий экземпляр.

По ту сторону двери царила тишина. И лишь где-то выл ветер.

Не пел там, за Дверью, а просто свистел в прорехах на крыше старой мельницы.

Нет... музыка не могла исчезнуть... не могла почудиться... Он же слышал, слышал! Или то все же подействовали лекарства и ему что-то почудилось? «Чокнутый», – раздалось в голове.

– Нет! – Франц скрипнул зубами. – Нет...

К черту. Он слышал музыку! И не мог ошибаться. Бражник привел его сюда, значит, знал, что Дверь находится тут...

И сон был неспроста.

Мальчик отвел с лица липкую прядку волос, поднялся с колен, отирая испарину со лба, и вытянул из-за пазухи влажный ключ. Оставалось сделать лишь одно, чтобы узнать правду.

Франц снял ключ с шеи и решительно вставил его в замочную скважину.

Бородка вошла вся, до последнего зубчика.

Такого еще никогда не бывало. Обычно Франциск пробовал ключ так и этак, но он либо просто не входил до конца, либо застревал, и приходилось впрыскивать в скважину масло для ламп, чтобы так вынуть зажатые зубцы. Однажды мальчик чуть не сломал драгоценный артефакт и после этого перестал проверять каждую дверь так упорно: если ключ не подходил сразу, то и не налегал.

А тут...

Бородка вошла легко и до конца.

Франц, затаив дыхание, хотел повернуть ключ, но тот не двинулся.

Мальчик нажал сильнее. Не идет.

«Тише... Все нормально. Ты ведь не пробовал кое-что еще».

Франциск догадывался почти с самого начала, что первая попытка будет неудачной. Он перевел дыхание и шепнул в скважину заветное слово:

– Кризалис.

Без толку.

– Черт...

Его снова бросило в пот, в горле першило от тяжелого духа гнили...

– Кризалис! – сказал Франц громче и налег на ключ.

Но тот сидел в скважине крепко, даже не шелохнулся.

– КРИЗАЛИС!

Франц чуть пальцы не сломал, а чертова дверь не поддавалась.

– Черт! Черт! Черт!

Мальчик замолотил кулаком по двери. Бесполезно: она прилегала к косяку так плотно, что даже не шелохнулась на петлях. Франциск ткнулся пылающим лбом в дверь, потом сполз на пол. Тишину прерывало только его свистящее дыхание и чьи-то легкие шаги. Франц поднял голову и увидел Луизу, скрестившую руки на груди. Синие глаза прищурились на его сжатые кулаки, пробежались по лицу, задержались на ключе, торчащем из скважины. Франц знал, как все это сейчас выглядит. Немного безумным.

– И все-таки они не ошибались. – Девчонка покачала головой. – Ты чокнутый.

Глава 7 о побеге в полночь

Франциск не знал, сколько пробыл на мельнице.

Час, или два, или полдня.

Он пришел в себя, лишь когда услышал отдаленный раскат грома. От станции приближалась гроза, и пора было уходить. После того как Лу оставила его одного, Франциск попробовал открыть дверь снова – думал, та не поддастся потому, что рядом был посторонний. Но нет.

И ни бражника, ни музыки. Франц остался наедине с разбитой мечтой.

Он сидел, прислонившись спиной к двери, и смотрел в пыльный полумрак мельницы. И тогда в голову полезли слова, что он слышал все эти годы. Франц пытался выпихнуть чужие голоса из мыслей и не мог. Голос Луизы еще отдавался эхом между балок и лестниц: «И все-таки они не ошибались. Ты чокнутый».

Так считала мать. И ее дурацкие знакомые, которым она верила больше, чем ему. И вероятно, тетка тоже. Филипп не упрекал брата ни в чем подобном, но и он не верил в то, что когда-то давно Франциск действительно встретил кое-кого особенного. И этот кто-то дал ему ключ.

Не «ржавую железку», не «эту гадость», а ключ, отпирающий таинственную Дверь в иной мир. Лучший мир, который Франц искал все эти годы. И сейчас ему было больно не оттого, что мечта оказалась пустышкой, нет. Ныло потому, что он был близок к секрету как никогда. Но и на этот раз выбранная им дверь оказалась обычной, ничем не отличающейся от остальных. Он обшарил всю мельницу – других дверей не было. Попробовал даже открыть ржавый амбарный замок снаружи – впустил. Значит, и вправду ошибся.

Воздух потяжелел, по крыше забарабанили капли. Франциск опомнился – пока он сидел в мельнице, ясное утро перешло в пасмурный день. Когда он выскочил на берег, оказалось, что все небо затянуло низкими тучами.

Франц пробирался обратно все теми же дебрями. Трава и корни стали скользкими, он исцарапался и пару раз упал. Мальчик даже не представлял, что ждет его дома, но деваться было некуда. Подбегая к особняку Мюриель, он заметил отъезжающую коляску, видимо, в отсутствие племянника тетушка навещала гости. Может, его побег не заметили? Франц тешил себя этой мыслью ровно до тех пор, пока не увидел на крыльце экономку.

– Вас ждут в гостиной, – с поджатыми губами выдала она.

В гостиной сидели тетушка Мюриель и мать Франца.

Из всех видов, в которых можно было предстать перед старшими после побега из дома, Франц предстал в самом неприглядном. Он был измазан, исцарапан, его ботинки, обляпанные глиной и комьями земли, оставляли на полу грязные следы, с одежды и волос капала вода. То, что происходило после, сложно описать. Такой злой свою мать Франциск еще никогда не видел – ему казалось, одного взгляда ей хватит, чтобы испепелить собственного сына. Тетушка же последовала своей тактике: изображая попранную благодетель, она состроила укорищенную гримасу и пожаловалась на то, что у нее вновь началась мигрень, – ведь они все утро искали пропавшего, она ужасно волновалась! Жалобы перемежались уничижительными замечаниями в адрес неблагодарного, невоспитанного племянника, которые в любой другой момент заставили бы Франца трястись от гнева.

Но ему было все равно.

Он стоял, глубоко задумавшись о своем, и едва различал, что же взрослые ему выговаривают. Лишь на фразы вроде: «Нет, ты погляди, он даже не желает слушать!» или «Молодой человек, а ну-ка поднимите свои бесстыжие глаза!» – он отвечал рассеянным взглядом. Его лишили и обеда, и ужина и, конечно, отвели в ванную, где заставили хорошенько вымыться, а затем проводили в спальню, у дверей которой мать сказала последнюю уничтожающую фразу:

– С сегодняшнего дня ты будешь выходить отсюда только с моего разрешения. И не приведи господь тебе оказаться в другом месте, когда я открою эту дверь в следующий раз!

С этими словами Делайла втокнула сына в мертвенно-голубую комнату и, захлопнув дверь, решительно повернула ключ в скважине.

Заперт до окончания времен.

Франциск прислонился к двери и стукнулся о косяк затылком. В комнате царила тишина, лишь по оконному стеклу барабанили тяжелые капли. Небо затянуло такими тучами, что в спальне было темно и... тревожно.

– Привет, – донесся тихий голос.

Филипп по-прежнему лежал в кровати, откинув голову на высокую подушку и вытянув бледные руки поверх одеяла. Франциску вдруг стало стыдно: он покинул брата, а ведь ему так скучно лежать весь день одному... Впрочем, у Франца было оправдание. Он искал Дверь.

И это важно.

Не только для него.

– Что-то случилось?

Филипп смотрел обеспокоенно, чуть нахмурившись. На изможденном лице, казалось, остались лишь глаза – огромные и пронзительно-голубые, в окаймлении тоненькой карей полоски. У старшего брата было все наоборот: почти вся радужка коричневая, а по краешку – голубая.

Франциск вздохнул и, дотавившись до кровати, плюхнулся на нее и принялся рассказывать. Брат не перебивал. Лишь глядел пристально, становясь все грустнее, так что Франц постарался говорить покороче. Когда он смолк, Филипп отвернулся к окну и выдохнул:

– Ясно...

Франц только сейчас заметил, насколько расстроен брат. Чем же на этот раз? Да, они повздорили с утра, но Филипп наверняка давно остыл, да и сам Франц еще до побега выбросил

это из головы – бури чувств приходили в его душу и уходили быстрее, чем те, что бушевали в природе.

– Приезжал доктор.

Филипп по-прежнему глядел в окно. Громыкнула молния. Белая искрящаяся ветвь отразилась в огромных глазах Филиппа. Франц вздрогнул и оглянулся. Буковые деревья гнулись под шквалами ветра, а косые струи неистово били по саду. На мельнице сейчас, пожалуй, жутко.

Франциск вновь повернулся к брату и заметил на столе бутылки, которые прежде не видел. Доктор привез лекарства... Так вот чей экипаж отъезжал от дома, когда он возвращался.

– Мм...

Язык прилип к нёбу. Разговоры о самочувствии близнеца заставляли Франца чувствовать себя неловко. Он старался их избегать, но не мог, ведь игнорировать лекарства Филиппа было трудно. Так же как стойкий запах настоек в комнате. Как и тонкие белые руки брата.

– Франц...

Филипп глядел куда-то в сторону. Его голос дрогнул, и это заронило в сердце Франца недобрые предчувствия.

– Франц, я...

Голос Филиппа оборвался, он смолк и, судорожно втянув воздух сквозь зубы, повернулся к брату. В голубых глазах дрожали слезы. Он сжал пальцами простыню и сглотнул. Сердце Франца забилось громко, гулко, во рту пересохло. Он чувствовал, как подкатывает волна холодной паники, но не мог ее остановить.

– Что? – выдохнул мальчик.

Младший брат молчал. Просто глядел на старшего. Глаза в глаза. Снова блеснула молния, отразившись в расширившихся зрачках.

– Мы скоро расстанемся.

Пару секунд – растянувшийся на вечность миг – Франциск глядел на брата, пытаясь понять, что тот имеет в виду. Мелькнула мысль, что мать все же согласилась отправить Франциска в закрытую школу и сказала об этом Филу, когда приносила лекарства. Мальчик вцепился в эту мысль как в спасительную соломинку.

– Франц. Пожалуйста, не делай ничего... неправильного.

Рука Филиппа проползла немного по одеялу и дотронулась до пальцев Франциска. Холодная. Франц вздрогнул. Темная волна уже поднималась внутри, но он не поддавался ей, пока держался за брата, словно за спасительную соломинку.

– Доктор, он... – Филипп перевел дыхание. – Когда он вышел к матери, я добрался до двери... и слышал все. Я... меня скоро не станет.

Дождь бил по окнам наотмашь, дом сотрясался от шквальных ударов ветра, но Франциску казалось, что эта буря – пустяк. Лишь эхо, лишь жалкий отголосок того, что грохочет в глубине его души. Того, что вот-вот выплеснется наружу.

– Бред.

Не сказал. Фыркнул. Выплюнул.

Филипп сжал губы.

Франц взглянул на лекарства. Чертовы бутылки. Постоянно стоят на их столике. Каждую чертову ночь... Это они во всем виноваты! И этот доктор – идиот, который... говорит... такую чушь! Мальчика охватило жгучее желание накинуться на эти пузырьки, вышвырнуть в окно все до единого! Растоптать дурацкие лекарства!

Филипп вцепился тонкими пальцами в руку брата.

– Франц! Прекрати вести себя как ребенок.

Франциск отмахнулся и спрыгнул на пол. Воздух в комнате раскалился, налитый электричеством и гневом.

– Я сто раз говорил тебе: не называй меня ребенком!

Филипп криво улыбнулся.

– Хорошо. Но помни, что ты обещал не делать ничего неправильного.

– Я не обещал!

– Ты знал, что лекарства не помогают. Уже давно не помогают... Ты знал, что однажды доктор придет и скажет это. Ты знал, что будет так. *Знал*. Не притворяйся, будто только сейчас понял, что меня ждет.

Франц задрожал. Он вдруг будто остался наедине с бурей – всеми покинутый маленький юнга, которого швыряет по всей палубе. Мальчик едва мог спокойно стоять, едва мог глядеть на лицо брата – бледное и изможденное, но такое решительное в этот миг. Филипп знал, что его ждет, и был к этому готов.

Но Франциск...

Он не готов!

Мальчик впервые за эти годы взглянул на близнеца по-настоящему. До сих пор, глядя на Филиппа, он видел солнечного мальчишку из детства, но сейчас... Брат разбил иллюзию одним махом, со всей детской жестокостью – и *заставил* увидеть себя настоящего. Такого, каким Франц видеть его упорно не желал.

Хрупкое, исхудавшее тело. Заострившиеся скулы торчат будто рыбы кости. Под глазами залегли глубокие фиолетовые тени, а под прозрачной кожей видны сосуды.

Ничего не осталось от прежнего Филиппа.

Франц вздрогнул и отвел взгляд.

– Этого не случится... – прошептал он. – Слышишь? Не...

– Франц! – Филипп повысил голос. – Ты должен научиться. Жить. Без меня. Уже сейчас. Понимаешь? Иначе потом... – Он покачал головой. – Это сломит тебя.

«Я уже сломлен!» – вспыхнуло в голове Франциска, и он нетерпеливо махнул рукой:

– Нет! Я не хочу... Я не...

– Ты – не я, Франц! Для меня все кончено! Но ты... ты... Прошу тебя. – Филипп умоляюще взглянул на близнеца. – Я не хочу, чтобы ты страдал. И я уже сто раз говорил тебе: ты должен понять и принять, что в жизни есть такие вещи.

– Какие?!

– Братья, которые... уходят.

Волна поднималась выше и выше, стремительно затопляя трюмы Франциска, бурно хлопая по венам.

«НЕТ! – закричал он про себя, ударив кулаками в дверь, чтобы вырваться с тонущего корабля. – НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!»

– Ты должен понять, – шептал Филипп холодно и неумолимо. – Жизнь – не сказка. В ней нет места для чудес. И тебе придется – слышишь? – придется принять ее такой, какая она есть. Брат... я прошу тебя. Франц, слышишь? Умоляю, возьми себя в руки и просто будь со мной, до того момента, как... И найди в себе мужество быть самим собой и после!

– Я не буду самим собой после! – рявкнул Франциск.

Буря била по окнам, стекла раз за разом содрогались – казалось, еще чуть-чуть, и дом разлетится вдребезги от грома. Но даже если наутро мир для других устоит и останется прежним, для Франца прежним уже не будет ничего. После слов брата – ничего!

– Я не буду самим собой «после», потому что никаких «после» не будет! – сквозь слезы выкрикнул он. – Слышишь? Не будет! Я найду! Эту! Чертову! Дверь! Найду ее, из-под земли вытащу и добуду настоящее лекарство, и ты будешь со мной. Всегда! Понял? Ты понял меня? И не смей больше говорить об этом!

Лицо Филиппа исказилось в сильнейшей муке.

– Прости... – прошептал он. – Прости...

Он протянул Францу руку – такую тонкую, такую слабую... При одном взгляде на нее внутри Франца все рухнуло. Струна натянулась и лопнула. Огненный шар гнева вспыхнул и сгорел дотла. Осталась лишь черная пустыня.

Бессилие.

И слезы.

Он больше не мог кричать на брата, видя маленькую бледную руку, которую Филипп так жалобно протягивал ему.

Не мог.

«Фил!» Уже не осознавая, что делает, Франциск бросился к брату, упал на кровать ничком, обхватил ноги близнеца и, уткнувшись лицом в его колени, крепко сжал их и зарыдал во весь голос.

– Фи-или-ипп...

Трюмы распахнулись, и корабль Франца стал медленно опускаться в холодные темные пучины. Мальчик сломался.

Злиться он уже не мог. Мог лишь плакать, всхлипывая на коленях горячо любимого брата – единственного человека, который был нужен ему на всем этом проклятом свете. Единственного, без кого он не мыслил себя. Потому что Филипп, вероятно, был нужен ему сильнее, чем он сам – Филиппу.

– Фи-и-ил... – выл Франц, скользя руками по одеялу. Судорожно сжимал плед, терзал вымокшую от слез простыню. – Фил...

Вой разлетался по комнате, отражаясь эхом в пустых углах, где таилась темнота. Кажется, в комнате ревет смертельно раненное животное. Боль затопила Франциска с головой, и все, что он мог делать, – это всхлипывать, выталкивая бессвязные слова пополам с рыданиями и кашлем. Мог лишь комкать простыню и беспомощно корчиться в коленях умирающего брата.

Все вокруг превратилось в боль.

Весь мир.

Корабль тонул.

Банки, кровать и обрывки одежды, кухонный сервиз тетки и крылышки бабочек, мельница и Лу – все смешалось в уничтожающих струях потопа. Мир шел ко дну. Уходил под воду в холодную темную Бездну. Франциск тонул вместе с миром – самым последним из всех, сжимая в руках единственное, что было ему нужнее, чем мать, чем бабочки и солнце.

Потому что без солнца – да, без солнца он бы жил.

Но без Филиппа не мог.

Не мог.

Мало-помалу буря за окном стихала – гроза уходила дальше, к другим английским деревенькам. Раскаты грома удалялись, молнии сверкали реже, хотя дождь еще барабанил по крыше. И как после бури океан накрывает блаженная тишина, Франциска, сжавшегося у ног близнеца, окутал неумолимый сон.

Ему снова снилось, что он на мельнице.

Стоит у двери.

Изнутри доносилась музыка – щемящая, чарующая мелодия. Мальчик держал ключ перед замочной скважиной, сквозь которую лился сказочный серебристый свет.

Это был не свет солнца.

Это было... сияние луны.

Франц его узнал.

Он пытался заглянуть в отверстие и наконец-то увидеть волшебный мир, но тут из темноты за его спиной донесся пробирающий до мурашек голос. Тот самый, который он однажды уже слышал...

– Полночь.

Франц вздрогнул, повернул голову, но ничего не успел разглядеть в темноте, потому как проснулся.

Он по-прежнему лежал на кровати, устроив голову в ногах брата, – измученный Филипп так и заснул, откинувшись на подушку. Его рука еще лежала на макушке Франца: все время, пока тот плакал, брат гладил его по голове, но потом обоих сморил сон.

За окном было тихо. Из-за туч вышла белесая луна и осветила мертвенно-голубую спальню. На пол легли четкие черные тени.

Франц вздрогнул и поднялся с кровати. Брат по-прежнему тихо и мерно дышал во сне, а Франциск тем временем подошел к окну и устремил взгляд на мельницу. Гроза проредила листья на деревьях, обломала и раскидала по саду сухие ветки, но древняя мельница устояла. Над деревней поднималась луна, освещающая темные поля. Франц глянул на напольные часы справа от окна. Одиннадцать тридцать.

Скоро наступит полночь.

Полночь...

Францу почудился чей-то шепот, и мальчик быстро развернулся, вглядываясь в затаившуюся по углам мглу. Никого. Лишь пепельные лучи гуляли по креслам и столбикам кровати.

Он вспомнил мельницу, освещенную луной, и ее волшебное колесо, черпающее воду... В тот раз, когда они проезжали мимо мельницы, кто-то шептал над плечом Франца: «Полночь». В ту самую ночь, когда мальчику явился он, тоже светила луна. Во время приступов появляется дверь, в щели которой проникает белый лунный свет...

А что, если волшебная Дверь открывается лишь в особенный момент?

В полночь!

Франц затаил дыхание и оглянулся на брата. Луна освещала бледное личико, и мальчика бросило в жар. «Я никогда не смирюсь. *Он* ждет нас там... И *он* поможет спасти тебя. Доверься мне, братик, пусть ты и не веришь в сказки. Я докажу, что мир, который я искал, существует на самом деле».

Франциск рванулся к шкафу. На этот раз он сбежит из дома насовсем, а вернется уже с лекарством для Филиппа. Он засунул в сумку сменную одежду, моток веревки и нож и затем, переодевшись в простые теплые брюки и рубашку, подхватил ботинки и скользнул к двери. Сейчас все спят, и тем не менее нужно быть очень осторожным.

Один мальчишка из Ист-Энда научил его открывать замки шпилькой, и Франц порой этим пользовался, чтобы сбежать из дома, когда мать запирала на ночь. Вот и сейчас мальчик аккуратно вставил шпильку в скважину и нажал. От скрежета Филипп заворочался в кровати. Пришлось замереть: не нужно, чтобы брат застал его за этим занятием. Вновь начнет упрекать, что Франц «верит в сказки»...

Когда Филипп снова задышал ровно, Франц немного подождал и провернул шпильку до конца. Замок щелкнул – как назло, слишком громко, – и мальчик выскользнул за дверь.

Дом тетушки Мюриель был погружен в тишину. Коридор и комнаты наполнились мрачным молчанием, в котором каждый шорох раздавался громом. Франц, бесшумно ступая в носках по старому поскрипывающему паркету, заторопился: до полуночи оставалось менее получаса.

Как назло, в дальнем конце коридора мелькнул огонек, затем послышались шаркающие шаги. Служанка обходила дом на ночь, наверное, проверяла окна.

«Черт!» – Франц отступил за угол. Едва огонек исчез, мальчик на ощупь пробрался к лестнице и, крадучись по-кошачьи, добрался до выхода. Дверь была заперта, и мальчику пришлось повозиться еще несколько минут.

Сад после грозы застыл потрепанный и сумрачный. По небу мчались быстрые облака, точно легкие беспокойные суденышки, в разрывах между ними мелькали звезды – умытые и чистые, неожиданно яркие, а на востоке выползал из-за деревьев огромный шар луны.

Франциск быстро обулся и побежал через сад. Землю сильно размыло, под ногами хлюпала вода и грязь, но мальчик упорно бежал вперед, прорываясь через мокрые кустарники роз и жимолости.

Вдруг позади ему почудились странные звуки, и Франциск испугался: служанка могла заметить, как он убегал, и, возможно, уже разбудила весь дом. Франц замер в тени деревьев, прижавшись к толстому стволу, и вслушался в ночь. Он уже был на краю сада, оставалась лишь межевая рощица, а за ней начнутся холмы и спуск к берегу.

Ни звука.

Только капли срываются с листьев и тяжело хлюпаются на землю.

Показалось.

Франц поправил сумку, переброшенную через плечо, и юркнул в сплетения ветвей. Страшно. Впервые в жизни он совершал самый настоящий побег, зная, как жестоко его накажут, если поймают, и от мысли, что мать и Мюриель сделают с ним на этот раз, душа уходила в пятки. И все же Франц чувствовал: пусть это опасно, он поступает верно.

И когда он откроет Дверь, все поймут – это не выдумки. Все, что он говорил, – чистая правда.

Мокрые листья хлестали по лицу, деревья норовили поставить подножку, и мальчик то и дело спотыкался. Пару раз ему чудился странный шелест, однако, сколько он ни оборачивался, никого не видел. И лишь когда Франц добрался до края рощи у самых холмов, он вынужден был остановиться.

Здесь действительно кто-то был.

В темной роще, среди изгибающихся точно змеи стволов и корявых ветвей, был кто-то помимо Франциска. Или *что-то*.

Мальчик вспомнил о бражнике. Нет, звуки совсем иные.

Он прижался к дереву, прислушиваясь, как *что-то* хлюпает по влажной земле. Иногда шаги замирали, но потом вновь раздавалось тихое, неумолимо приближающееся «шлеп-шлеп».

Франц, затаив дыхание, уставился в сплетения ветвей – мокрые листья блестели в лунном свете. Вдруг ветки дрогнули, по дерну забарабанили крупные капли, мелькнул чей-то силуэт. Сердце Франциска ушло в пятки, и он был уже готов пуститься наутек, как вдруг...

В пятно лунного света шагнул Филипп.

– Что? Откуда ты тут?

Франциск выскочил из-за дерева и бросился к брату, который пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за ветку.

– Франц, что ты делаешь?

– Иди домой, Фил, – резко ответил Франциск. – Это не твое дело.

Младший брат с хрипом втянул воздух. Он дрожал: видимо, накинул на себя что под руку подвернулось и теперь мерз в тонкой рубашке и бриджах.

– Франц, мать придет проверять нас в полночь, как всегда. Ты же знаешь!

– Плевать! – рявкнул мальчик. – Мне уже плевать.

– Не говори так... Она накажет тебя... Нас.

– Возвращайся, Фил. Я ухожу.

– Куда?

Франциск молча пригнулся и шагнул в арку, образованную ветвями жимолости.

– Франц, куда ты? Ты снова решил пойти на мельницу?

«Он ничего не понимает!» – раздраженно и в то же время виновато подумал мальчик, ежась от холодных капель, падавших за шиворот.

За спиной раздался шелест листьев и поспешные шаги: упрямый близнец полез следом.

– Франц! Послушай! Тебе показалось, нет там ничего. Давай вернемся, Франц... Да послушай же меня!

Франциск досадливо передернул плечами, но не остановился.

Вскоре тропа вывела к той самой арке. Пригнувшись еще ниже, мальчик скользнул в туннель, выкарабкался на другую сторону и оказался на краю холмистой пустоши. Перед ним, мерцающая в лунном свете, бежала река, а на берегу темнело здание с огромным колесом.

За спиной снова раздалось шлепанье.

«Вотупертый!» – рассердился Франциск. И все-таки сердце его сжалось от жалости: больному брату так тяжело нагонять его... Он наверняка на пределе сил, еле дышит от усталости. Но послушать нелепые предостережения? Ни за что.

«Пусть сдастся и идет обратно».

– Франц!

Мальчик вздрогнул, когда холодная рука брата легла ему на спину между лопаток. Он развернулся и схватил близнеца за плечи – тонкие и хрупкие, будто у девчонки. Слегка встряхнул и заглянул в полные слез глаза:

– Фил. Скоро ты сам убедишься, что я не вру. Дверь существует. Это правда.

– Франц, опомнись! – взмолился Филипп. – Прошу, пожалуйста, оставь это. Вернемся, может, мы успеем к полуночи, и мать нас не поймает...

– Да плевать на нее! Филипп, это не сказки. Я уверен, что сегодня открою Дверь. – Франц схватил ладонь брата и приложил к своей груди. – Чувствуешь?

– У тебя сердце сейчас просто выскочит!

– Потому что я знаю: это действительно произойдет. Понимаешь? Да поверь же ты мне хоть раз, Филипп, ну хоть раз! Но, черт, уже почти полночь! Я не могу опаздывать, Фил! Мне надо спешить! Все будет хорошо, доверься мне, ладно? – Он ободряюще сжал холодную ладонь брата и выдохнул: – Все будет хорошо. А ты иди домой.

Франциск развернулся и, спотыкаясь, бросился к мельнице.

Толкнув входную дверь, мальчик заскочил в пугающий мрак и побрел на ощупь. Времени зажигать свечу не было, а до полуночи оставались считанные минуты. Он слишком замешкался, сначала выбираясь из дома, затем препираясь с Филиппом...

Здесь пахло еще острее, чем прежде. От дождя преюющие балки и доски разбухли, и теперь источали неприятный запах водорослей и плесени. В животе всколыхнулся и заворочался страх, но даже на это Францу было плевать. Сердце билось как обезумевшее. Страх приглушало особенное, ни с чем не сравнимое чувство, какое бывает у маленьких детей рождественским утром, когда они крадутся к елке и, вглядываясь в полумрак под ветвями, вдруг замечают волшебный отблеск на лентах и видят подарки, оставленные самим Сантой...

Сквозь дыры в крыше просачивались лунные лучи, кое-где на пол мельницы падали круги света, и Франциск старался держаться ближе к этим серебристым пятнам: сейчас, ночью, тут было слишком темно и страшно. За спиной скрипнула входная дверь, но Франц не обернулся.

Потому что увидел, как из скважины той самой двери в дальнем углу струится серебристо-белый свет!

Франциск бросился к ней, рывком стащил с шеи ключ. Он чувствует это, чувствует! Дверь откроется сегодня! Его захлестнуло волнение и счастье, дрожащими руками он поднес ключ к скважине...

– Франц!

Позади стоял Филипп, и его лицо в лунном свете казалось совсем белым. Едва переводя дыхание, он глядел на брата потемневшими от тревоги глазами. Но Франциска уже было не остановить. Он бросил безумный взгляд на близнеца и схватился за дверную ручку.

– Видишь?

Голос был хриплым и дрожащим, но в нем слышалось и ликование – неистовое, безудержное счастье. Филипп уставился на замочную скважину, из которой лился серебряный свет, и даже рот приоткрыл от удивления.

Наверное, сейчас на деревенской площади пробили часы. Франциск даже не представлял, что сможет различить их бой с такого расстояния. Тоже волшебство? Ведь часы так далеко, а он все же услышал мелодичный и переливчатый «бим-бом», летящий по ночному воздуху.

Полночь.

Часы били полночь.

Франц решительно вставил ключ в скважину и повернул его (на этот раз повернул!), выпалив:

– Кризалис!

Замок щелкнул, Франц нажал на ручку, и дверь медленно отворилась.

За ней оказалось вовсе не помещение для зерна. И не лестница. И даже не какая-нибудь подсобка.

Там высился серебряный лес.

Глава 8 о страже Мельницы

Очарованный зрелищем, мальчик смотрел и не мог насмотреться. По ту сторону двери открылась холмистая опушка, а чуть дальше начинался темный загадочный лес, переливающийся серебром, и Франц даже видел тоненькую, будто волос единорога, тропинку. Она вела от самого порога дальше и дальше, между древесных стволов, которые росли так криво, будто застыли в танце.

Над темным лесом мерцали звезды – огромные, яркие. Тысячи и тысячи сияющих точек пронзали черный бархат небосвода. У самых верхушек деревьев нависал белый шар луны, да такой огромный, какого Франц от роду не видал.

С холмистых склонов дул прохладный ветерок, гоняя по траве серебристые волны. Франц глубоко вдохнул освежающий запах хвои и цветов.

Совсем рядом над ковром из папоротника, белого от лунного света, то и дело проносились странные маленькие существа. Сперва Францу показалось, что это насекомые, но вот рой пролетел мимо него, и последнее из «насекомых» заметило незнакомца. Крылатое существо зависло в шаге от мальчишки, и Франц разглядел, что тельце у него – человеческое! Смуглое, темно-коричневое, но, несомненно, человеческое. Голова была похожа на сухую коробочку мака, личико сморщенное – будто человек, превращавшийся в бабочку, застыл на половине перехода. Существо с любопытством вытянуло шею, моргнуло блестящими глазками и махнуло крохотной рукой Францу, будто приглашая за собой. Затем что-то громко прострекотало, развернулось и метнулось к собратьям, которые зависли неподалеку, ожидая отставшего. Рой громко застрекотал и вдруг взмыл вверх, будто подхваченный сильным потоком ветра, стремительно пронесся к небу и вскоре растаял между звезд.

Завороженный, Франциск переступил порог. Ботинки утонули в густой траве, и мальчик наклонился, проведя по ней рукой, – казалось, какой-то кудесник покрасил каждую травинку серебряной краской. Папоротник переливался в лунных лучах, завораживая призрачным белым сиянием.

Франциск сделал еще несколько шагов и обернулся.

Он стоял около мельницы – вроде бы той же самой, но такой другой. Теперь она казалась еще выше, какой-то величавой, и буквально излучала особенное, щемящее чувство. В сердце мальчика заняло сладко и немного печально, будто от переливчатой песни бродячего музыканта.

В прорехах в крыше теперь напевал ветер, наполняя нутро здания странной гулкой мелодией. Он врывается сквозь дыры и щели во все внутренние помещения и там разлетался столкратным эхом, выдувая из мельницы звуки, точно из пустой бутылки. Да, здесь ветер умел петь...

А еще крутилось колесо.

Слышался старческий древний скрип, когда колесо совершало оборот, подносило лопастями воду к звездам, а та переливалась через край, возвращаясь в реку небольшими сияющими водопадами.

Мальчик не знал, как долго так стоял – в какой-то миг ему почудилось, что вся его жизнь прошла, пока он глядел на величественный ход мельничного колеса. А когда очнулся, не мог вспомнить, кем был прежде. Лишь спустя пару мгновений в его памяти всплыли блеклые воспоминания о Лондоне... об Англии... Кажется, там он родился и жил тринадцать лет.

А здесь был от силы несколько минут.

Франциск обернулся на дверь в Англию. В темном проеме стояла белая фигура младшего брата, который глядел перед собой огромными, неверящими глазами. И вдруг в груди Франца вспыхнуло ликование, его охватило безудержное счастье.

Он.

Открыл.

Дверь!

И нашел мир, о котором говорил брату и остальным столько раз, столько лет – и он не спит! Нет, не спит.

Франциск вернулся к темной двери и протянул брату руку. Тот заколебался и несмело оглянулся, словно не решаясь покинуть тоскливую, но такую родную Англию. Но пару секунд спустя все же сделал решительный шаг и встал рядом с Францем в ином мире – сказочном, полном чарующих ароматов и звуков, от которых голова шла кругом.

Франциск подхватил Филиппа за локоть и заглянул в лицо близнеца, чувствуя, как губы расплываются в широкой улыбке. Филипп выглядел потрясенным до глубины души, но Франц уже немного отошел от дурманящего запаха волшебства. Его еще потряхивала дрожь, так он был счастлив, так хотел остановить это мгновение счастья навечно, навечно!

– Я что, сплю? – тихо проговорил Филипп, изумленно глядя на огромную мельницу.

Ветер продолжал петь свою песню, добавив в переливы невидимых струн еще и ударные – кристально чистый плеск водопадинок, срывающихся с лопастей.

– Нет. – Франц улыбался, едва сдерживаясь, чтобы не заорать в голос от восторга и не пуститься в пляс. – Нет, ты не спишь! – И наконец произнес фразу, которую до боли, до отчаяния, до слез мечтал сказать так давно. – Я же говорил тебе – волшебство существует!

Братья медленно пошли по густому серебряному ковру из трав и папоротника к тропинке, ведущей в сторону леса. Слух в этом мире, казалось, обострился во сто крат: Францу чудилось, что ступает он не по обычной траве, а по бархатной, шелестящей мягко и обволакивающе, словно ткань дорогого платья богатой дамы. Он готов был слушать шелест бархатистой травы до конца своих дней. И до конца дней своих он хотел бы вдыхать ни с чем не сравнимый

аромат, который прежде даже представить не мог, – да и был ли в его мире хоть один парфюмер, который смог бы повторить такое сочетание запахов?

В этом аромате, аромате волшебства нельзя было различить ноты имбиря или жимолости, не расслышать цедры или же хвои. Это был единый, обволакивающий серебряным туманом запах, который Франциск хотел вдыхать и выдыхать, наполняя легкие, и ему казалось, он никогда не сможет надышаться этим миром.

Его миром, только его.

Дверь сюда отыскал именно он, простой мальчишка, родившийся на одной из лондонских улочек. Самый обычный мальчик по имени Франциск Бенедикт Фармер, который отличился лишь тем, верил в свою мечту долгие годы.

Франциск не сразу услышал шепот. Очнулся, лишь когда брат коснулся плеча.

– Слышишь?

– Что?

Франц слышал только чарующую мелодию ветра, которая постоянно повторялась, будто кто-то невидимый и могущественный играл увертюру для ночного мира, наполняя поднебесье величественными звуками.

Но Филипп, в голосе которого сквозила тревога, явно различал что-то еще.

– Там, кажется...

И он дрожащим пальцем указал на угол мельницы. Франциск двинулся в ту сторону и вдруг различил сквозь могучую песнь ветра иной звук. Чарующее полотно прерывали всхлипы. Там, за поворотом, кто-то плакал.

Мальчики переглянулись. Странно было слышать в сказочном лесу плач. Невидимка стонал, хныкал, стихал, будто в попытке удержать рыдания, и тут же вновь давился слезами.

Франц сначала растерялся, но потом подумал, что тот, кто плачет, не может быть опасен, и пошел на звук рыданий. Младший брат засеменил следом. Когда близнецы заглянули за угол, им сначала показалось, что возле задней стены мельницы возвышается округлый холм, поросший синевато-серебристой травой. Но вот холм вздрогнул и затрясся, и Франциск с изумлением понял, что это живое существо. Присмотревшись, он различил, как длинные пальцы перебрали пустоту, будто попытавшись что-то спрясть из потоков воздуха, а затем обмякли. Когда рука двигалась, на запястье поблескивал металлический обруч, от которого к вбитому в стену мельницы кольцу шла ржавая цепь.

Из глубины холма донеслись приглушенные рыдания, и Франциск оглянулся на Филиппа. Брат притаился возле угла, вжав голову в плечи, и с опаской поглядывал на пленника.

Наконец Франц решил. Он откашлялся и шаркнул ногой, дав понять, что у плачущего есть свидетели.

Пленник замер. Франциск снова кашлянул. В темной глубине холма вспыхнули два огромных глаза, и мальчик отпрянул. Существо же глядело на него, не издавая ни звука.

Мелодия ветра изменилась.

Предыдущая увертюра была окончена, и ветер заиграл новую – тихую и настораживающую, от которой по коже побежали мурашки. Лес вокруг смолк и прислушался, а плеск мельничного колеса утерял свое кристальное звучание и влился в песню иначе – холодными и мерными ударами.

– Кто вы?

Франц храбрился, но голос прозвучал робко и тихо.

Эти глаза... Странные... Пугающие...

Глазные яблоки походили на выдутые из прозрачного стекла светильники. Выпуклые. Серебристо-белые. Без зрачков, зато с пятнами, точь-в-точь такими, как на луне. Глаза-луны глядели не мигая. Сначала осмотрели Франца. Затем метнулись к Филиппу, и тот, съездившись, прижался к стене.

Наконец существо зашевелилось и привстало, оказавшись больше обоих вместе взятых мальчишек. Его руки, поросшие серебристым мехом, были длинными и могучими. Голову венчали рога. Широкое скуластое лицо покрывала шерсть, переходя в длинную серебристую бороду, которая – что странно! – была разделена на пряди, заплетенные в аккуратные косицы. Тут и там в них блестели бубенцы – точь-в-точь как те, какими на Рождество зажиточные люди украшают елку. Бубенцы были из чистого серебра, это Франциск сразу понял, потому что видел подобные в витринах, когда гулял накануне праздника в центре города. Да и звук...

Когда существо чуть повернуло голову, бубенчики поменьше издали переливчатое «теньк-теньк», те, что покрупнее – «звяк-звяк», а самые крупные кругляши откликнулись басом: «бумц-бумц». Пленник тряхнул бородой сильнее, и все вокруг наполнилось мелодичным, совершенно сказочным перезвоном.

Пленник поднял руку, которая была в десять раз толще руки Франца. Пальцы с острыми когтями утерли слезу с уголка лунного глаза. Пока мальчишки разглядывали незнакомца, в густой бороде пленника успело скрыться немало таких слез, и каждая сбегала по мохнатой щеке крупной блестящей жемчужиной.

Существо шмыгнуло носом.

– Кто я?

Голос – вот удивительно! – оказался звонкий, серебристый и вовсе не подходил монстру. Франц ожидал, что из нутра существа вырвется по меньшей мере рык или утробный рев, подходящий какому-нибудь минотавру. Но это оказался самый мелодичный голос, который он когда-либо слышал. Тонкий, дрожащий. Даже жалобный.

– Кто я...

На мгновение пленник задумался. Громадные глаза вновь наполнились слезами, монстр, загремев цепями, закрыл лицо ладонями и горько расплакался.

Франциск переглянулся с братом, кивнул на пленника и хотел было шагнуть к нему, но Филипп отчаянно замотал головой.

Гигант рыдал, позабыв, что тут кто-то есть, и плач этот был столь печальным, что в сердце Франциска больно кольнуло, точно иголкой.

Вскоре существо подняло голову:

– Разве... разве вы не знаете, кто я? Как бессердечно с вашей стороны напоминать мне, что я – Калике. Тот самый, что некогда владел всем поднебесьем от Мельницы и до Северных гор. Тот, кто прежде был силен сыграть любую мелодию, какую только мог – или не мог! – вообразить себе кто-либо из живущих в стране невосходящего солнца – от малейшего из айсидов до самого Черного Кика! Ах!

Тот, кто назвал себя Каликсом, простер когтистые руки к звездному небу. Слезы струились по его странному, причудливому лицу, блестя на мохнатых щеках. Франциск попытался запомнить новые слова. Очень уж непонятно монстр изъяснялся! Калике бормотал и причитал на все лады, заливаясь слезами, которые гигантскими жемчужинами катились по бороде и терялись между многочисленных косичек.

– Ох, горе мне, горе. Что же делать? На веки вечные прикован я к Великой Мельнице, да будет тень ее бесконечна, и никогда мне более не ощутить силу ветра в своих руках, никогда не взмыть ввысь, чтобы пронестись вихрем над прекрасными лугами и лесами Полночи! Горе мне, о горе! И теперь любая козявка, любой мимикр может выползти из своей жалкой норы, притащиться сюда и стоять в каком-то дюйме от меня, чтобы плевать в самого Каликса Мизери! Любой может осыпать меня ругательствами, покрыть плевками мою голову. И что же мне делать? Не могу я сбежать. Негде укрыться от позора – один я у Великой реки, один-одинешенек. Прикован к Великой Мельнице, чтобы плакать ночь за ночью, горюя о своем утерянном величии...

Гигант поднял на мальчишек полные отчаяния глаза. Губы его скривились от обиды.

– Что стоите и смотрите? Коли пришли плевать и швыряться камнями – сделайте уже свое черное дело да ступайте на все четыре стороны, чтобы мог я наконец оттереть ваши плевки и зализать свои раны.

Калике шмыгнул носом.

– Эй... мы не собираемся плевать. И камней у нас нет.

Серебристый монстр прищурил лунные глазищи, будто кот. Насторожился.

– Что же, вы принесли огонь? Хотите бросить лучину, чтобы подпалить мою шерстку?

Франц и Филипп переглянулись.

– Н-нет!

Гигант нахмурился:

– Что тогда вам надо от несчастного Каликса? Зачем явились? Ну уж точно не спасти меня! Не найдется в Полуночи ни единой души, которая бы сжалилась над бедным Каликсом. Всем только плевать хочется да лучины швырять...

Гигант недовольно заворчал, отползая подальше – будто опасался, что Франц таки вытянет из-за спины факел. Мальчик оглядел цепь и кольцо, вделанное в стену. Толстые, мощные. И если уж даже такое могучее существо не смогло разорвать оковы...

– А... – Мальчик замялся. Знал, что спрашивать невежливо, но любопытство глодало сильнее совести. – А за что вас так?

Он кивнул на кандалы.

Калике свирепо зыркнул на мальчика.

– За что?! Неужто в Полуночи остался хоть кто-то, кому не известна история несчастного Каликса?!

– Ну... выходит, что да.

«В Полуночи? Что это значит?»

Калике хмыкнул и покачал головой:

– А ты не кажешься таким уж злым.

Он перевел взгляд на Филиппа:

– И ты тоже.

Францу почудилось, что во взгляде Каликса вспыхнул призрачный огонек – будто отблеск свечи в зрачках кошки. Искра надежды. Но она тут же потухла. Глаза вновь заволокло безысходностью.

– Меня зовут Калике Мизери, – грустно сказала существо и достало из-за спины каменную чашу.

Гигант склонился над ней, с его щеки скатилась еще одна слеза и упала на дно. Калике постучал когтем по боку чаши, где было высечено: «Calix Miseriae».

– Чаша Печали. Таково мое имя. От рода мне написано страдать, и оттого меня так прозвали. Не думал я, не гадал, что этот кубок пригодится по *такому* поводу – собирать свои собственные слезы... О горе мне, горе!

– Что же с вами случилось?

Гигант покачал головой, будто сомневался, что Франциск все же не издевается над ним, и мальчик попытался придать своему лицу самое честное выражение, которое имел про запас (а было таких немного). Он вовсе не желал причинять этому горемыке боль: пусть Калике и монстр, но лицо у него такое печальное, что шпынять его не представлялось возможным.

Калике напоминал гигантского пса-бродягу, какого порой можно встретить на улицах; такой всегда подбегает, глядит грустными глазами, виляет хвостом и подает тебе лапу, выпрашивая краюху хлеба. И хоть зубы у него с полпальца, ты знаешь – такой не укусит.

Хоть и большой, но не страшный.

Такой же был и Калике. Франциск расслабился, да и Филипп подошел ближе, уже так сильно не страшась существа.

– Давным-давно... – Калике устремил глаза-луны в небо, – когда я еще не сидел на цепи, жизнь моя была прекрасна. Я летал в поднебесье страны невосходящего солнца, играя на своей лире тысячи прекраснейших мелодий, и ветер тогда пел мою песнь, подчиняясь одному мановению пальцев. Струны моей ветряной лиры издавали неземные, чудесные звуки, и, когда я пролетал над миром, каждый мимикр, каждый хризалида останавливались, замирали и глядели в небо, слушая мою песнь. Есть ли в мире чувство прекраснее этого? Есть ли что слаще свободы?

Калике задумался, вглядываясь в мерцающие созвездия. Встрепенулся, будто вспомнил о существовании ребят, и одарил их подозрительным взглядом. Но нет, те не думали нападать. Франц и Филипп внимательно слушали.

Убедившись, что мальчишки не планируют козни, монстр отполз дальше к реке, зачерпнул рукой волну и поднес ко рту, чтобы напиться. Вода заструилась по его длинной бороде, и он утер губы мохнатой рукой.

С той стороны реки донесся странный серебристый смех. Калике бросил взгляд на прибрежные ивы, нахмурился и мотнул рогатой головой. Затем вернулся к братьям.

– Я Ветер.

Калике плюхнулся на землю и задумчиво уставился на цепь.

– Просто Ветер...

Франц и Фил удивленно переглянулись.

– А что... что случилось потом?

Монстр прикрыл глаза.

– А потом пришел Мертвый Принц.

От звуков этого имени – да имя ли это было? – над землей пронесся холодок, всколыхнул траву, и Франц отчетливо увидел, что серебристое сияние папоротника на миг погасло. Будто чей-то темный дух всколыхнул поляну и сгинул. Мальчик поежился.

– М... Мертвый... кто?

– Мертвый Принц, – прошептал Калике, по-прежнему не раскрывая глаз. – Ужасный тиран, имя которого мы не знаем, а если кто и знает, то побоится его назвать. Оттого и зовут хозяина Полуночи так вот – Мертвый Принц.

Монстр распахнул глаза, и те гневно сверкнули.

– И меня – свободного Каликса! – он заставил служить себе! Пожелал сделать меня своим Глашатаем. Отдавал приказы, и я был вынужден их исполнять. Но мое дело – музыка. Я – Ветер! Я создан, чтобы наполнять небеса песнями, а не для того, чтобы...

Пленник вздрогнул, будто вспомнил нечто кошмарное, и лицо его исказилось от ужаса.

– Я отказался творить черные дела. Нет! Калике Мизери ни за что не пошел бы на убийства и гнусные поступки! И Калике сказал Хозяину «нет». Хозяин рассердился, ох, и рассердился же он...

Монстр заскулил и подул на пальцы, будто их прищемили или обожгли.

– Мертвый Принц сказал, что ему не нужен такой Глашатай. Он сказал... сказал, что это измена. И приказал другому слуге опоить меня маковым отваром. А когда очи мои смежил сон – ох, горе мне, горе!..

Калике обхватил голову руками и закачался из стороны в сторону.

– Не так-то просто поймать Ветер. Но Мертвый Принц смог. Он может все... Хозяин забрал ключ от оков и сказал, что Калике будет сидеть тут, покуда не передумает. А как решит вернуться к службе, да продолжить черные дела, да снова поклянется в верности Мертвому Принцу – тогда, быть может, наместник Полуночи и примет его обратно. Но не раньше!

– И что... что вы надумали?

Голос Франциска дрожал. Всякий раз, когда монстр произносил слова «Мертвый Принц», ему чудилось, будто тень вновь проносится над землей, а сердце охватывали холод и безнадёга.

– Что надумал? А что я надумать-то мог? – возмутился гигант. – Калике – честный житель Полуночи! Я не подчинюсь ужасному Мертвому Принцу, нет, не подчинюсь!

Глаза монстра яростно полыхнули, но искры тут же угасли, уступив место слезам.

– Оттого мне суждено сидеть здесь прикованным веки вечные, пока не наступит последняя ночь...

Калике всхлипнул и отполз к стене, громыхая цепями. Свернулся калачиком, притянув к себе ноги.

– Но как же так? – нахмурился Франциск. – Вы ведь не хотели ничего дурного, почему же вас ругают и плюются?

– Мертвый Принц, – шмыгнул носом монстр. – Все из-за него. После того как он воцарился, сердца многих повернулись к тьме, а это так легко в стране, где никогда не восходит солнце! Они ходят каждый день мимо Мельницы, и как завидят Каликса, так насмеются, плюются, да бог весть что еще делают... А я ничем ответить не могу. Цепи мои слишком коротки.

В доказательство монстр поднял руку, и Франц увидел, что, действительно, у Каликса не было возможности уйти далеко. Гигант поднялся, сделал пару шагов и протянул руку к мальчику, но цепи хватило ненамного.

– Видишь?

Стоять так близко к лохматому чудовищу было жутковато. Франц хотел отступить, но вдруг понял, что обидит Каликса. Гигант пристально глядел глазами-лунами. Не моргал.

– Ты боишься меня.

– Н-нет.

Франц попытался придать голосу уверенности. И все же... Калике был выше, чем любой из людей. Если бы он вошел в столовую тетушки Мюриель, он уперся бы макушкой в потолок, а рога уж точно оказались бы на втором этаже.

– Я слышу все. В твоём голосе – ложь.

– Ну... чуть-чуть, – сдался Франциск. – Но это лишь потому, что вы... вы такой большой. И я никогда не встречал...

– Монстров?

– Да.

– Хм.

Калике пристально поглядел на мальчишку, а потом сел, обхватив колени руками в кандалах. Взгляд Франца упал на замочные скважины. Мертвый Принц заковал Глашатая, а ключ забрал? Но этот мир волшебный, и здесь точно никогда не было мальчишек из Ист-Энда, которые горазды открывать такие замки, что этому Мертвому Принцу и не снились!

– Я могу... могу попробовать...

«Ох, не стоит... или все же стоит?»

– Франц! – опасливо шикнул Филипп.

– Что попробовать? – Калике уставился на Франца. – Что? Мертвый Принц забрал ключ, а если наместник Полуночи что-то взял себе, вернуть это невозможно.

– У меня есть кое-что...

Франциск засунул руку в карман и вытащил шпильку.

Монстр поежился:

– Что это за штуковина?

– Я умею открывать замки. Такие ни разу не пробовал, но могу попытаться...

– Франциск!

Рядом возник брат. Предостерегающе положил ладонь на плечо. Впрочем, Калике не обиделся, лишь кивнул на Филиппа и покачал головой:

– Никто больше не верит Каликсу. И никто не желает ему помогать. Ступайте.

Монстр развернулся, отползая обратно к стене, но Франциск решительно двинулся следом. Он отлично понимал, что теперь монстр легко сможет напасть на него, если захочет, и тогда Франц не успеет и пикнуть, как острые когти вскроют ему горло.

Впрочем, сердце подсказывало поступать так, а оно еще не ошибалось!

Монстр замер, услышав шорох. Обернулся. На мигу Франца перехватило дыхание –кинется ли? Но нет. Калике лишь изумленно таращил и без того громадные глаза, не понимая, действительно ли мальчишка хочет помочь?

Франциск сделал еще несколько шагов. Монстр медленно протянул ему волосатую лапу, и, когда мальчик склонился над оковами, его взгляд вдруг соскользнул на гигантские когти, отчего что-то нехорошо перевернулось в желудке. Впрочем, Калике сидел смирно. Он положил лапы перед собой и затих, пытаясь дышать как можно тише, пока Франциск ковырял отмычкой в замке. Прошло, наверное, несколько минут, а может, полчаса. Как вдруг...

– Есть!

Что-то щелкнуло. Браслет распался на две половины, и рука Каликса оказалась на свободе. Монстр поднес ее к лицу, удивленно оглядел запястье. Мальчик тем временем склонился над второй рукой, и вскоре вновь раздался щелчок.

С лязгом оковы грохнулись на землю. Калике поднял вверх обе руки. Какое-то мгновение гигант не мог поверить в то, что многолетнее заключение окончено – все смотрел и смотрел то на сброшенные кандалы, то на руки.

– Свободен... – прошептал он. – Свободен!

Монстр неловко встал и, шатаясь, отошел от стены на несколько шагов.

Выгнул спину, хрустнув костями так громко, будто разломил ствол дерева...

Страхнул с плеч листья и пыль... Запрокинул рогатую голову к небу... И раскинул два исполинских крыла.

Тень гиганта накрыла всю поляну. Он глянул на ребят и ухмыльнулся, затем чуть ссутулился и свел руки вместе. Франц понял, что сейчас будет. Калике ударил крыльями так, что по поляне пронесся вихрь, прижавший папоротник и цветы к самой земле. Близнецы тоже повалялись в траву, чуть не задохнувшись от мощного воздушного удара.

Но все быстро стихло: Калике, аккуратно расправив крылья, шагнул к своему спасителю. Лицо монстра еще секунду назад было почти суровым и вдруг разгладилось. Тень Каликса накрыла Франциска с братом, они испуганно сжались, но тут монстр склонился в таком низком поклоне, что кончики острых рогов чиркнули по земле.

Франц оторопел.

Калике подал ему могучую руку. Мальчик нерешительно протянул свою, и его ладошка утонула в сильных пальцах Глашатая ветра. Монстр помог Францу встать.

Рот растянулся в подобии улыбки. Сверкнули острые зубы.

– Благодарю, мой господин. Отныне жизнь Каликса Мизери – ваша, мой спаситель, и я буду служить вам верой и правдой, куда вы того пожелаете.

Кровь ударила в лицо Франца. Никогда прежде ему не говорили подобных слов!

– Смее спросить... Как зовут моего господина, да будет тень его подобна ночи?

– Ф-Франциск... – Мальчик смутился. – Франциск Бенедикт Фармер.

Калике склонил рогатую голову. Глаза подернулись поволокой – монстр задумался. Зашевелил губами, старательно повторив:

– Фран-циск... Бе-не-дикт... Фар-мер... Да будет так!

– А это... – мальчик отступил в сторону, – мой брат Филипп.

– Рад познакомиться, маленький лорд!

Калике отвесил поклон и Филиппу, предварительно отойдя на пару шагов, чтобы ненароком не проткнуть мальчишку гигантскими рогами. Младший брат отрывисто кивнул в ответ: он по-прежнему побаивался чудовища. Впрочем, Калике казался более чем вежлив и, хоть являлся монстром, явно был воспитан лучше, чем добрая половина лондонцев, а что касается тетушки Мюриель – тут не стоило и сравнивать!

Калике был самой деликатной личностью, которую Франц когда-либо встречал. И – нужно отметить – искренней, ибо хоть улыбка его была весьма зубаста, все же монстр пытался улыбаться от души. Чего нельзя было сказать ни о матери Франца, ни о ее знакомых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.